

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ . . . 7 р. 50 к.

на 9 мѣсяц. . . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсяц. . . 4 р. —

Отдѣл. номера по 20 к.

Съ доставкой и пересылкой

на годъ . . . 8 р. —

на 9 мѣсяц. . . 6 р. —

на 6 мѣсяц. . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ . . . 14 руб.

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Сиб. Знам. д. № 14, в. 5.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Сиб.,

Ивановская, д. № 13, кв. 18.,

а также въ книж. маг. Едль-

фа, Нев., Гостин. дв. № 18.

Въ Томскѣ—въ книжномъ

магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ

Редакціи газеты «Сибирь».

Въ Омскѣ—въ книжн. ма-

газинѣ Александра.

Въ Тифлисѣ—въ книжн.

агентствѣ Шавердова.

СОДЕРЖАНІЕ: Общественное участіе въ переселенческомъ дѣлѣ.—Самоходы.—Вѣсти съ Востока.—Хроника.—Корреспонденціи.—На Уралѣ
Л. Симоновой.—Еще по поводу трехсотлѣтія.—Хроника жизни за педѣлю.—Критика и библиографія.—Биржевыя извѣстія.—Объявленія.

ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТІЕ ВЪ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМЪ ДѢЛѢ.

Намъ присланы весьма интересные данныя, собранныя изъ опросовъ переселенцевъ, двигающихся чрезъ Сибирь, помещаемыя нами какъ довершеніе картины переселеній, въ связи съ несущимися отовсюду вѣстями о крестьянскихъ передвиженіяхъ. Они же даютъ намъ поводъ поговорить о переселенческомъ дѣлѣ, какъ мы его понимаемъ въ данную минуту. Дѣло колонизаціи и вопросъ переселенія, есть дѣло столь же государственное и общественное, какъ и правительственное. Какъ бы ни выразились законодательныя правила по этому вопросу, какія бы мѣры ни были приняты послѣдствіемъ съѣзда свѣдущихъ людей и комиссій въ столицахъ, они могутъ только дать то или другое направленіе дѣлу, но общественное и социальное явленіе останется попрежнему, а стало быть предъ обществомъ будетъ стоять тотъ же общественный вопросъ, вопросъ важный для Европейской Россіи по связи своей съ вопросомъ поземельнымъ, важный для Сибири, какъ вопросъ колонизаціонный заселенія и привлеченія силъ.

Изъ хода переселенческаго дѣла видно, что изслѣдованіе переселеній и изученіе мѣръ, могущихъ содѣйствовать разрѣшенію его, идетъ двумя путями—административнымъ и общественнымъ.

Министерства дали ему выразиться въ коммисіяхъ, свѣдѣнія собираются въ одной устроенной на пути конторѣ, администрація дѣйствуетъ въ рядѣ различныхъ напомнимай, циркуляровъ и предписаній, подобно недавно опубликованному воронежскимъ губернаторомъ, или тѣмъ, которые дѣйствуютъ въ Западной Сибири, стремясь запретить самовольное заселеніе свободныхъ мѣстъ и учредить полицейскій надзоръ. Что касается собранія свѣдѣній о переселенцахъ и помощи имъ, то пока, какъ видно, они сосредоточены въ одной учрежденной конторѣ, на пути.

Министру внутреннихъ дѣлъ угодно было, въ видѣ опыта, у одного изъ перевозовъ черезъ Волгу (Симбирской губерніи) учредить переселенческую контору въ Батракахъ, въ которую командировать одного чиновника отъ министерства вну-

треннихъ дѣлъ, для работъ совмѣстно съ чиновникомъ министерства государственныхъ имуществъ; а губернскимъ земскимъ собраніямъ Симбирской и Самарской губерній предложить назначить въ составъ конторы по одному представителю.

Мы уже обращали вниманіе, что учрежденіе конторы только въ Симбирской губерніи на одномъ пунктѣ едва ли удовлетворитъ всеѣмъ существующимъ потребностямъ на почвѣ переселенія. Путь переселенцевъ въ Сибирь лежитъ по цѣлымъ трактатамъ изъ средней, южной и сѣверной Россіи. Изучить и разсмотрѣть эти тракты составляетъ задачу современнаго изслѣдованія, какъ и избрать нѣсколько пунктовъ для оказанія облегченій переселенцамъ во время передвиженія. Дѣятельность этихъ конторъ должна бы, конечно, сосредоточиваться на облегченіи переселенія въ пути и призрѣніи переселенцевъ на извѣстныхъ пунктахъ. Но это будетъ зависеть отъ силъ и средствъ, которыми будетъ обладать контора.

Весьма важная задача, выпадающая на переселенческую контору, должна состоять въ помощи бѣдствующимъ переселенцамъ, матеріальной поддержкѣ ихъ во время пути и способствованіи къ обзаведенію на мѣстахъ. Въ V пунктѣ инструкции, обязанности конторъ между прочимъ выражены въ словахъ: «призрѣвать больныхъ переселенцевъ и предупреждать развитіе между ними и занесеніе далѣе эндемическихъ и заразительныхъ болѣзней». Но естественно за этимъ является вопросъ, какимъ образомъ мѣры эти будутъ выполнены, если не явится станцій, приютовъ и больницъ для партій переселенцевъ не только въ одномъ пунктѣ, а на всемъ пути. Затѣмъ, на какия средства можетъ быть создана подобная помощь безъ учрежденія особаго колонизаціоннаго фонда или банка?

Изъ всего вышесказаннаго досель можно заключить, что въ общемъ изслѣдованіе переселеній и особенно помощь переселенцамъ, слишкомъ огромная задача, чтобы возлагать, что одна администрація въ состояніи будетъ справиться съ нею; наконецъ, интересы ея въ общемъ слишкомъ разнообразны и велики, чтобы посвятить себя всецѣло этому дѣлу и держать

свои силы въ постоянномъ напряженіи и энергіи. Дѣятельность самихъ конторъ можетъ скоро обратиться въ бюрократическую формальность.

Естественно, что здѣсь должны придти на помощь въ разрѣшеніи этого вопроса болѣе живыя общественныя силы, какъ въ лицѣ земствъ, такъ и частныхъ дѣятелей. Что касается земствъ внутреннихъ губерній, то хотя часть изъ нихъ старалась заняться переселенческимъ вопросомъ и направила на него изслѣдованія, но большинство земствъ отнеслись къ нему индифферентно и даже боязливо. И это понятно, принимая во вниманіе составъ земствъ, въ которыхъ большинство хозяевъ крайне заинтересовано въ томъ, чтобы не выпускать рабочія руки изъ губерній и держать арендныя цѣны на земли на выгодной для нихъ высотѣ. Хотя противники переселеній прикрываются теоріями повидимому экономическими, говорятъ о переселеніи какъ палативѣ, указываютъ выходъ въ высшей культурѣ, ищутъ задержки его въ поземельномъ кредитѣ и проч., но однако о всемъ этомъ сквозитъ желаніе удержать переселеніе. Эти тенденціи не могли не проявиться и во время дѣятельности свѣдущихъ людей.

Естественно желать, чтобы изслѣдованіе этого народнаго вопроса получило болѣе безпристрастія и было менѣе стѣснено личными интересами. Немало уже частныхъ изслѣдователей изъ нашей интеллигенціи посвятили себя этому вопросу. Укажемъ хотя на труды Романова въ Вятской губерніи, на работы лицъ въ рязанскомъ земствѣ и т. д. Мы полагаемъ, что этотъ вопросъ можетъ сгруппировать лицъ, заинтересованныхъ народно-экономическимъ вопросомъ, подобно тому, какъ группируются силы для изслѣдованія крестьянской общины, которое уже дало свои результаты, сгруппировавъ матеріалъ и создавъ въ Россіи вѣрныхъ друзей крестьянской общины, крестьянскаго міра, приверженцевъ ея, и подняло эту общину во мнѣніи общества до нашего дорогаго и неприкосновеннаго національнаго института.

Вопросъ изученія переселеній можетъ идти тѣмъ же путемъ. Никакое правительство не въ состояніи будетъ безъ помощи общества создать здѣсь патронатъ, помощь и соединить значительные капиталы, въ видѣ особаго банка, для обезпеченія переселенцевъ.

Такимъ образомъ, вопросъ переселеній въ общественномъ развитіи у насъ не только не поконченъ, но и не начатъ даже въ самой простой задачѣ уразумѣнія этого явленія и собранія о немъ свѣдѣній.

Принимая во вниманіе, какое значеніе могутъ имѣть переселенія для Сибири въ ряду мѣстныхъ вопросовъ, мы указывали уже пути этой частной дѣятельности при помощи сибирскихъ отдѣловъ географическаго общества, при одномъ изъ которыхъ даже была напечатана программа сообщенія свѣдѣній. Опытъ показываетъ, что находятся люди и въ Сибири, заинтересованные переселенческимъ вопросомъ. Мѣстная интеллигенція могла бы дать въ каждомъ городѣ хоть одно лицо, которое бы систематически, подобно нашему корреспонденту, вело опросы переселенческимъ партіямъ. Изъ этого могъ бы накопиться весьма полезный матеріалъ. Примѣръ этотъ достоинъ подражанія.

Когда мѣстная сибирская администрація совершенно равнодушна и неспособна понять всю важность подобныхъ задачъ, позаботиться о своихъ мѣстныхъ вопросахъ пред-

стоитъ самому обществу. Мы смѣемъ надѣяться, что и сибирское общество, во всемъ своемъ составѣ, когда-нибудь проникнется и пойметъ, какое важное значеніе въ его жизни будетъ играть колонизаціонный вопросъ и какія заботы оно должно будетъ сосредоточить на немъ.

САМОХОДЫ.

Вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ принадлежитъ въ настоящее время къ числу самыхъ насущныхъ очередныхъ вопросовъ. Много лѣтъ переселенцы цѣлыми тысячами тянутся на поиски «новыхъ земель». Особенное вниманіе какъ въ обществѣ, такъ и въ правящихъ классахъ возбуждало своими размѣрами движеніе переселенцевъ въ Томскую губернію. Между тѣмъ, по изслѣдованію этого движенія до сихъ поръ чрезвычайно мало сдѣлано. Живя въ одномъ изъ центральныхъ придорожныхъ пунктовъ этого движенія, я поставилъ себѣ задачей изучить, по мѣрѣ возможности, его причины и условія; такой матеріалъ могъ бы впоследствии послужить бесполезнымъ пособіемъ для выводовъ по переселенческому вопросу и тѣмъ облегчить практическое его разрѣшеніе. *)

Движеніе переселенцевъ черезъ г. Ишимъ (Тобольской губ.), началось въ текущемъ году въ половинѣ мая и продолжалось непрерывно до 25-го мая. Благодаря дождливой погодѣ, дня два не было «самоходовъ» **, за то утромъ 29-го мая привалило сразу 50 семей изъ Шадринскаго уѣзда (Пермской губерніи). Изъ разспросовъ я узналъ, что они ѣдутъ вторую недѣлю, въ ведро дѣлаютъ верстъ по 50—60 въ сутки, въ дождливую погоду верстъ 40; почуютъ въ полѣ или въ лѣсу; тамъ и кони кормятся, тамъ имъ удобнѣе, а въ селѣ платить надо и за себя и за кормъ лошадей. Дождя они не боятся, у нихъ кибитки крѣпкія, дѣтишки уже привыкли къ дорогѣ; какъ и у другихъ переселенцевъ, у нихъ было много грудныхъ дѣтей; они же указали мнѣ женщину съ трехнедѣльнымъ ребенкомъ. Въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ «россійскихъ» переселенцевъ, эти были весьма неразговорчивы. «У насъ въ селѣ всякій своимъ дѣломъ занятъ, а у васъ здѣсь, въ городѣ, видно, никому дѣлать нечего,—все ходятъ и спрашиваютъ»,—это относилось не ко мнѣ одному, а еще къ нѣсколькимъ ишимскимъ обывателямъ, которые изъ любопытства подходили къ переселенцамъ. При такихъ условіяхъ много узнать было мудрено; выручили меня бабы, которыя, вообще, всегда разговорчивѣе, отъ нихъ-то я кое-что и узналъ. Идутъ они изъ разныхъ деревень одной волости; ѣдутъ «тремя артелями», т. е., попросту, тремя группами,—слово «артель» никакого другого значенія, какъ оказалось, здѣсь не имѣетъ, такъ какъ всякая семья ѣдетъ на свой собственный счетъ. Разбились они на три группы потому, что вмѣстѣ лошадей

*) Мы печатаемъ образецъ подобнаго матеріала, собраннаго на мѣстѣ, любопытнаго въ самыхъ подробностяхъ, хотя конечно, въ литературномъ органѣ онъ не всегда можетъ имѣть мѣсто и требуетъ нѣкоторыхъ обобщеній.

**) «Самоходами» въ Сибири называютъ свободныхъ переселенцевъ, въ отличіе отъ ссыльныхъ.

кормить неудобно; ѣдутъ они всегда на такомъ разстояніи другъ отъ друга, что послѣдующая группа всегда догоняетъ предъидущую, останавливается кормить лошадей, а первая въ это время, уже успѣвши покормить лошадей, поднимается съ мѣста стоянки и идетъ дальше и т. д. Направляются они всѣ въ Барнаульскій округъ, куда три года тому назадъ уѣхали ихъ родные и знакомые; теперь оттуда пишутъ, что тамъ жить хорошо; вотъ они этой весной собрались и поѣхали; съ ними ѣдетъ одинъ, побывавшій уже тамъ. На родинѣ они ничего не сѣяли, распродали домъ и скотину, только лошадей и повозки взяли на дорогу изъ дому. Недоимокъ за ними не числится. Землю они сдали на годъ («продали») богатымъ мужикамъ изъ своихъ односельцевъ, которые будутъ за нихъ вносить подати; податей же у нихъ съ души сходитъ по 8 руб. въ годъ. Они взяли годовые паспорта и поѣхали; въ случаѣ возвращенія, пока они не выключатся изъ общества, земля за ними остается. Числятся они государственными крестьянами; на душу у нихъ приходится по 3¹/₂ десятины пахоти, 5-ть «осьминниковъ» лугу и 5 «осьминниковъ» лѣсу, т.-е., всего по 5 десятинъ на душу (въ 1 десятинѣ 4 «осьминника»); выгона у нихъ нѣтъ, скота они не держатъ, потому что кормовъ нѣтъ,—кормятъ скотину соломой съ крышъ и заборовъ. Уѣхали они со своей родины главнымъ образомъ потому, что и теперь у нихъ земли мало, а между тѣмъ скоро у нихъ будетъ «перемѣръ» (передѣлъ), такъ что совсѣмъ мало станетъ: всего по 1 десятинѣ на душу, пожалуй, придется,—народу много стало. Вотъ, изъ опасенія этого «перемѣра» они и двинулись въ путь. Земля у нихъ плохая, землю они назъмятъ,—«гдѣ назъмишь, тамъ только и соберешь». Нанять десятину луга стоитъ у нихъ 5—6 рублей, десятину «паровъ», (т.-е., на два года,—у нихъ трехпольное хозяйство)—12 р.; сажень дровъ однополѣнныхъ—3 руб. (у казны); жнутъ десятину за 7 р.; заработковъ у нихъ никакихъ нѣтъ: «какіе у насъ заработки? пристаней или заводовъ у насъ нѣтъ». Нанимаются къ богатымъ на работу, «ними» (валенки) катаютъ по 8 р. съ пуда. Хлѣбъ, въ случаѣ недостачи, берутъ займы у богатыхъ подъ отработку; во время страды заимодавецъ положить за день коп. 20—25. Но, вообще, у нихъ хлѣба хватаетъ не только до нови, но еще и послѣ нови пекутъ изъ старой муки. Впрочемъ, есть и такіе, что съ сумой ходятъ. «А много такихъ у васъ?» спросилъ я.—«А много!» отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ переселенцевъ, отставной солдатъ, въ тонѣ котораго слышалось явное насмѣшливо-пренебрежительное отношеніе къ этой голытьбѣ.—«Какъ же это они такъ съ сумой ходятъ? Вѣдь у нихъ земля есть?»—«Ну, такъ что-жъ, что земля? А что онъ на ней безъ лошади и безъ коровы подѣлаетъ?» Землю свою такіе безлошадные обыкновенно сдаютъ кому-нибудь за подати, а сами остаются «Vogelfrei». Я спросилъ, многіе ли у нихъ думаютъ переселиться. «Запрету никому нѣтъ; кто хочетъ, тотъ и ѣдетъ», уклончиво отвѣчали они. На самомъ дѣлѣ, какъ они-же объясняли, многіе и хотѣли-бы, да не ѣдутъ за отсутствіемъ необходимыхъ для этого средствъ. За то поѣхали и такіе, у которыхъ тысячи по двѣ чистыми деньгами, кромѣ соотвѣтственной стоимости, вложенной въ хозяйство. Впрочемъ, въ ихъ партіи есть одинъ мужикъ, который на чужой повозкѣ ѣдетъ, только лошадь своя. Вообще же эти переселенцы, какъ и первая видѣнная

мною партія шадринскихъ переселенцевъ, производятъ впечатлѣніе людей зажиточныхъ, которые на новомъ мѣстѣ устроятся не худо. По пріѣздѣ на мѣсто, они немедленно примутся за постройку избъ (по крайней мѣрѣ, значительная часть изъ нихъ, если не всѣ), изъ чего можно заключить, что наниматься въ батраки имъ нѣтъ надобности; впрочемъ, положительно утверждать это относительно всѣхъ я не стану. Будутъ они и косить тамъ нынѣшнимъ лѣтомъ. Вообще, «работа будетъ, работы тамъ много, какъ тамъ не быть работѣ!»

Благодаря хорошей погодѣ, въ слѣдующіе три дня движеніе переселенцевъ не прекращалось. Въ воскресенье къ вечеру одновременно прибыли два обоза: одинъ изъ Шадринскаго уѣзда (за исключеніемъ двухъ семей), другой изъ Моршанскаго уѣзда, Тамбовской губерніи. Первый обозъ состоялъ изъ 10 семей, въ томъ числѣ одной семьи изъ Курганскаго, а другой изъ Ялutorовскаго округовъ Тобольской губ.; прочіе всѣ изъ разныхъ деревень Мѣхоновской волости, Шадринскаго уѣзда. Идутъ они всѣ въ Барнаульскій округъ. Выѣхали изъ дому двѣ недѣли тому назадъ; ѣдутъ по приглашенію родныхъ и знакомыхъ; съ ними ѣдетъ ходокъ, который прожилъ въ Барнаульскомъ округѣ шесть лѣтъ и вернулся за своими.

Землю свою они сдали въ общество за уплату податей; когда они выключатся изъ общества, земля эта пойдетъ въ раздѣлъ на малолѣтковъ. Ночуютъ они обыкновенно въ полѣ, такъ какъ тамъ скоту удобнѣе. Въ томъ же обозѣ шелъ солдатъ съ семействомъ изъ Курганскаго округа. По его словамъ, въ Курганскомъ округѣ крестьяне могутъ пахать сколько угодно, и земля у нихъ по выбору, а солдатамъ дается только 3 десятины пашни, притомъ земли скверной,—«пашни, не пашни, хлѣба не будетъ», хлѣба у нихъ только до Рождества хватало; они брали хлѣбъ подъ работу у богатыхъ мужиковъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, онъ рѣшился переселиться. Въ пути у него дѣти хворали. Кромѣ этого, былъ и другой солдатъ, тоже съ семействомъ, изъ Ялutorовскаго округа. До 1858 года у него было 3 десятины хорошей земли; но когда онъ вернулся послѣ крымской кампаніи, оказалось, что вся земля подѣлена, а ему отвели всего 2 десятины. Онъ подавалъ-было всякія прошенія, да ничего не вышло, «больше общества не будешь», такъ онъ и бросилъ. Вотъ онъ бился-бился и задумалъ переселиться. Въ прошломъ году изъ ихъ села вышло восемь семей въ Барнаульскій округъ и пишутъ, что имъ хорошо, они и поѣхали. Другой обозъ состоялъ изъ 11-ти повозокъ (столько-же лошадей), на которыхъ помѣщалось 7 семей переселенцевъ Тамбовской губ., Моршанскаго уѣзда, села Керченскіе Борки, въ 18-ти верстахъ отъ города. Они были ранѣе помѣщичьими крестьянами; на душу имъ подѣлено по 1¹/₂ десятины и передѣла не было отъ ревизіи; но въ прошломъ году они сами «разложили земли по душамъ», такъ что теперь приходится на душу всего по ¹/₂ десятины. Нанять десятину стоитъ 20 р. Луговъ у нихъ вовсе нѣтъ, покупаютъ сѣно по 2 рубля за возъ. Когда имъ надѣляли землю, у нихъ въ селѣ числилось всего 40 душъ, а теперь всѣхъ 1,100 душъ и земля все та же; передѣляли землю въ прошломъ году, да новой не намѣрено. Лѣсовъ у нихъ своихъ тоже нѣтъ, въ лѣсахъ повсюду «стрѣлки» (полѣсовщики), рубить бесплатно не дозволяется. Скотины у нихъ немного; у иныхъ лошадь и корова, а у иныхъ и совсѣмъ ни-

чего вѣтъ. Сосѣдніе помѣщики сильно тѣсвятъ потравами; если пройдетъ скотина по полю—1 р. штрафу, а если еще и постоитъ тамъ—3 р. Податей съ души у нихъ сходить по 10 рублей. Хлѣба хватаетъ до великаго поста. Поддерживаетъ ихъ зимній заработокъ въ каменоугольныхъ коняхъ; изъ ихъ села ежегодно 300 человекъ изъ 700—1,100 душъ уходитъ въ Ростовъ, работать въ шахтахъ. Работаютъ они по 12-ти часовъ въ сутки, въ 2 смѣны: одна дневная, другая ночная. Въ самыхъ шахтахъ работаютъ, начиная съ 15 лѣтъ, но на верху занимаются и мальчики 8-ми, возятъ и уголь и лошадей водятъ. Дѣти получаютъ по 5 руб. въ мѣсяцъ; взрослые за зиму могутъ заработать руб. 100; иные присылаютъ домой на подати, иные же и ничего не присылаютъ; живутъ они все тамъ на своихъ харчахъ, какъ взрослые, такъ и дѣти кормятся въ артели. Въ коняхъ бываетъ много несчастій, часто убиваетъ и задавливаетъ людей. Выѣхали они послѣ Егорья, ѣдутъ пятую недѣлю. Отъ Моршанска до Сызрани ѣхали по желѣзной дорогѣ, платили по 1 р. 50 к. съ человека. Въ Сызрани сѣли на пароходъ, до Перми заплатили всего 2 р. 50 к. съ человека, затѣмъ по желѣзной дорогѣ отъ Перми до Екатеринбурга платили 2 руб. (или 2 руб. 50 к.). На пароходѣ и по желѣзной дорогѣ они вездѣ пользовались уступкой съ обычной цѣны. Отъ Екатеринбурга до Тюмени они платили по 60 коп. съ пуда, причѣмъ дѣтей до 3-хъ лѣтъ не взвѣшивали. Подводъ было довольно, хватило на всѣхъ. Въ Тюмени они купили лошадей, за которыхъ платили по 54—65 р. за каждую, съ повозкой и проч.—тамъ все это покупается вмѣстѣ. Повозки, кромѣ одной или двухъ, все некрытыя, такъ что они совсѣмъ промокали и дѣти прозябли въ дорогѣ. Почуютъ они въ полѣ, а иногда во дворахъ въ селѣ; въ избы ихъ не пускаютъ. Направляются все въ Бійскій округъ, гдѣ у нихъ большая родня; ѣдутъ все на свой счетъ. Поѣхали-бы многіе, да не на что; у кого ничего вѣтъ, тотъ такъ и остается. Изъ ихъ партіи на пароходѣ умерло «двое младенчиковъ», 1 женщина, выѣхавшая уже въ чахоткѣ, а похоронили въ Перми. Какъ я ни старался опредѣлить ихъ бюджетъ въ моментъ выѣзда изъ села, это мнѣ не удалось; вопросы я старался предлагать «тонко», чтобы не подать виду, что справляюсь о количествѣ денегъ, которое они везутъ съ собою,—иначе за жулика приняли бы, что уже со мною случилось разъ, когда я заговорилъ (и не о деньгахъ даже, а вообще объ ихъ житьѣ-бытьѣ) съ переселенцами-сибиряками. «Вотъ, лѣтось, къ намъ тоже присталъ одинъ, ровно какъ и ты; разложите костеръ, да то, да сѣ, а потомъ, глядь—схватилъ шубенку и побѣжалъ; вотъ и ты теперь разговариваешь, а кто тебя знаетъ, что у тебя на умѣ!» Такъ съ тонкой усмѣшкой аттестовала меня одна баба. На этотъ разъ мнѣ только давали уклончивые, неопредѣленные отвѣты. Отъ нихъ я узнавалъ между прочимъ, что въ двухъ верстахъ отъ ихъ села выселилось въ этомъ году 40 семей, да въ ихъ село пріѣхалъ мужикъ, который нѣсколько лѣтъ прожилъ гдѣ-то въ «Красноярской губерніи», а теперь пріѣхалъ за своими и за собой везетъ туда 5 семей.

На слѣдующій день я встрѣтилъ партію въ 9 семей переселенцевъ изъ Рязанской губ., изъ нихъ 8 семей государственныхъ крестьянъ Савожковского уѣзда, села Романова-Дорѣвль, а одна семья бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Данковского уѣзда, Кочеровской вол., села Кочерова.

ѣдутъ они все на 7 повозкахъ, въ каждой всего по одной лошади, такъ что на двухъ повозкахъ помѣщается по 2 семьи на каждой. Въ сутки они проѣзжаютъ верстъ по 40, т.-е., почти на одну треть меньше другихъ переселенцевъ. По совѣту знакомыхъ, я отрекомендовался имъ въ качествѣ «газетчика»—ишу-де въ газеты, потому что теперь коммисія засѣдаетъ и разсуждаетъ о переселеніяхъ; вотъ мнѣ и нужно знать все, какъ и что,—кто и почему ѣдетъ. Въ крайнемъ случаѣ, думалъ я, я рискую потерять свѣдѣнія объ одной партіи. Однако опасенія мои оказались напрасными, но званія моего, повидимому, все-таки не поняли. Вотъ что они мнѣ сообщили. С. Романово-Дорки состоитъ изъ 1,000 душъ, на каждую душу приходится всей земли по 3 десятины, но луговъ мало, почти вѣтъ, такъ что скота держать немного; земля плохая, съ десятины 5—6 коновъ хлѣба соберешь, а намолотинъ зерна всего 3—4 мѣры. Выручаютъ ихъ только конопля. Земля у нихъ очень дорога: «нанять десятину рублей 20 стоитъ; земля же безъ удобрения ничего не родитъ, а удобрять нечѣмъ». Вотъ у васъ навозъ жгутъ^{*)}, а у насъ за него дорого-бы дали, да негдѣ достать». Сторонніе заработки у нихъ частью земледѣльческіе,—лѣтомъ въ страду работаютъ по 15—20 к. въ день, а «зимой тебя и за пятакъ не надо»,—частью же работаютъ на желѣзной дорогѣ. Но и этотъ заработокъ въ послѣднее время плохъ сталъ, такъ какъ новыхъ дорогъ не строятъ. Всякихъ платежей вносятся ими ежегодно по 10 руб. съ души. Ржаной хлѣбъ у нихъ стоилъ въ прошломъ году по 1 руб. 20 коп.—1 руб. 50 к. пудъ. Пшеничный они ѣдятъ только въ большіе праздники. Въ прошломъ году у нихъ священникъ некъ просфоры по 4 руб. 40 коп. пудъ, «помни!». Вслѣдствіе такихъ условій, они рѣшились переселиться. За паспортъ они ничего не платили, поднесли только по полуведру «старикамъ», «но за приговоръ съ насъ драли, рублей по 5 съ души сошло». Землю они сдали за подати въ общество, а когда они принишутся на новомъ мѣстѣ, земля пойдетъ въ раздѣлъ, общество ее разверстаетъ по душамъ. Выѣхали они недѣли четыре тому назадъ, сѣли на пароходъ въ с. Шилово (въ 120 верстахъ отъ Рязани); на пароходѣ имъ скидки не было, платили по 7 руб. съ души, такъ какъ они о скидкѣ не знали; по уральской ж. д. они платили половину, затѣмъ отъ Екатеринбурга до Тюмени ѣхали на подводахъ и платили разное: коп. по 60, 70 и 80, потому что подводъ мало было, на всѣхъ не хватало. Въ Тюмени они купили лошадей, платили рублей по 40, уже съ повозкой. Отъ Екатеринбурга до Ишима (611 верстъ) путь продолжался двѣ недѣли. Почуютъ, какъ придется: иной разъ въ полѣ, иной разъ въ селѣ. Деньги они уже почти все издержали. Въ ихъ партіи, разсказывалъ мнѣ одинъ переселенецъ—данковский—у одного мужика ничего не было; но его односелецъ побогаче, тоже переселенецъ, купилъ ему въ Тюмени лошадь за 40 р. и далъ 3 рубля на дорогу,—на какихъ условіяхъ, ему неизвѣстно. «Намъ кто поможетъ? Кабы изъ одного села, такъ помогли бы, а то чужому кто дастъ!» отвѣтилъ онъ мнѣ на вопросъ, существуетъ-ли у нихъ взаимная помощь въ пути. Этотъ данковский переселе-

*) Въ Тобольской губ., насколько мнѣ извѣстно, земли нигдѣ не удобряютъ, такъ что вокругъ каждаго города или села образуются громадныя кучи навоза, который потомъ сжигается; дымъ и зловоніе отъ этого все лѣто страшныя. Иные же везутъ навозъ прямо въ рѣку.

вещь особенно заинтересовала меня тѣмъ, что онъ выѣхалъ изъ своего села еще прошлою осенью и принужденъ былъ остаться въ Екатеринбургѣ по неимѣнію средствъ для продолженія пути. Тронулось въ прошломъ году всѣхъ ихъ семей 6-ть, кажется, но тѣ поѣхали дальше, а они остались. Ихъ два брата, а всѣхъ 8 душъ (въ томъ числѣ старуха-мать). Въ Екатеринбургѣ они работали въ ремонтѣ и получали по 13 руб. въ мѣсяцъ, всего, значить, 26 р.; на эти деньги они жили и въ теченіи 7 мѣсяцевъ сколотили 55 р., съ которыми и тронулись. Изъ этихъ денегъ они заплатили ямщикамъ 24 рубли отъ Екатеринбурга до Тюмени, въ Тюмени купили лошадь за 30 руб., а съ повозкой и проч., заплатили всего 40 руб., да кое-что осталось. Мой собесѣдникъ, очевидно, въ ариметикѣ не силенъ; онъ, конечно, кое-что и скрылъ, но, во всякомъ случаѣ, большихъ достатковъ у него не было. Какъ и всѣ прочіе въ томъ-же обозѣ, одѣтъ онъ былъ санюлотомъ. Село Кочерово, изъ котораго онъ вышелъ, состоитъ изъ 46 душъ (ревизскихъ) временно-обязанныхъ князя Шаховскаго. На душу у нихъ приходится по $\frac{3}{4}$ десятины, въ числѣ которыхъ не наберется и одного «осьминника» дугу. Землевладѣніе у нихъ общинное, но передѣла у нихъ не было съ самаго освобожденія. Скота у нихъ очень мало, у иныхъ черезъ 10 дворовъ одна лошадь; «нанимать лошадей—пахать» не стоитъ; въ прошломъ году, напр., мѣра ржаной соломы стояла у нихъ 1 р. 50 коп. — 2 руб., а съѣсть ее лошадь въ три дня. Всѣхъ платежей у нихъ приходится на душу рублей 20 въ годъ: 9 р. «временно-обязанности», руб. 5 въ казну, да еще 6 руб. всякихъ общественныхъ сборовъ и повинностей. Понятно, что земля не выноситъ всѣхъ этихъ платежей; вслѣдствіе этого помѣщикъ «закладываетъ ихъ землю подъ себя» и сдаетъ ее купцу, у многихъ земля за долги сдана купцу на 5 лѣтъ, по 20 руб. въ годъ за десятину; изъ этихъ денегъ вносятся всѣ платежи. У двухъ семействъ общество отняло землю за недоимки, а все имущество,—избы и проч., продало съ аукціону за долги. Теперь они собираются по міру; выпросятъ гдѣ, чтобы имъ позволили пріютиться въ чужой избѣ. Работать они не могутъ, потому что они уже стары. При такихъ условіяхъ быта отхожія промыслы составляютъ необходимость. Раньше они ходили на желѣзную дорогу, а теперь каждую весну уходятъ на 2 мѣсяца (до Казанской, т.-е. до 8 июля) рѣзать торфъ во Владимірской губ. Обыкновенно съ весны пріѣзжаютъ къ нимъ купцы, подражаютъ ихъ въ волостномъ правленіи, даютъ задатокъ, изъ котораго сначала вычитаются подати, затѣмъ остатокъ выдается имъ на руки. Работаютъ они сдѣльно, въ теплую весну могутъ заработать рублей 50. Работать приходится по колѣно въ грязи, скинувши «порки»; земля въ началѣ еще мерзлая, внизу ледъ, приходится рубить его; вообще работа тяжелая. Идутъ они вмѣстѣ съ прочими въ Бійскій округъ, по наспорту, который заполучили за полведра; земля сдана «подъ подати» на 12 лѣтъ. Помощи общество имъ не оказало. Князь Шаховской призывалъ сельское начальство въ контору и предложилъ имъ оказать помощь переселенцамъ, но тѣ отказались, «потому что имъ самимъ кормиться нечѣмъ». Въ этомъ году изъ того же села вышло еще 9 семей, но «у нихъ состояніе есть» и они поѣхали отъ Тюмени «по водѣ».

ВѢСТИ СЪ ВОСТОКА.

Не только въ Египтѣ, но и на дальнемъ востокѣ, британскимъ торговымъ интересамъ грозитъ неприятое столкновение съ такими же интересами французовъ.

Извѣстно, что англичане давно уже ищутъ удобнаго торговаго пути между Индіей и Китаемъ. Въ исторію географическихъ знаній занесены нѣсколько именъ предприимчивыхъ англичанъ, пытавшихся пробраться сухимъ путемъ изъ британскихъ владѣній въ Небесную Имперію; до сихъ поръ однакоже всѣ эти попытки не приводили къ результатамъ, сулившимъ значительныя выгоды. Недавно, однакоже, въ бенгальскомъ азіатскомъ обществѣ нѣкто г-нъ Лепперъ сдѣлалъ новое сообщеніе о торговомъ пути отъ С. В. индійской границы, черезъ страны Сянгъ-пхо и Кампти въ Китай. Пока обнародованныя имъ свѣдѣнія главнымъ образомъ этнографическаго характера; племена, занимающія промежуточные между Китаемъ и Индіей страны—мирныя, къ европейцамъ не расположены враждебно; вся территория, по разспроснымъ свѣдѣніямъ, изобилуетъ минеральными богатствами; въ особенности-же богаты драгоцѣнными металлами, серпентиномъ, соляными копами и драгоцѣнными камнями страны на югъ и юго-западъ отъ британской стоянки Садія. Разстояніе въ этомъ направленіи отъ крайняго пункта британской границы до предѣловъ, въ которыхъ начинается сказываться вліяніе китайскаго правительства, незначительно, т.-е. не превышаетъ 80 миль.

Почти одновременно съ сообщеніемъ г-на Леппера въ Индіи было получено извѣстіе, обратившее на себя вниманіе всей англо-индійской прессы. Въ Тонкинѣ французское правительство приняло небольшую экспедицію; поводомъ къ ней было слѣдующее обстоятельство: въ началѣ нынѣшняго года, гдѣ-то въ Тонкинѣ, на берегахъ р. Сонъ-кой какіе-то французскіе туристы подверглись значительнымъ неприяностямъ отъ разбойниковъ. Для наказанія пиратовъ французское правительство послало небольшой отрядъ въ 300 человекъ при шести пушкахъ, въ городъ Ха-кои. Незначительная экспедиція смутила покой британскихъ политиковъ, и не вѣрится имъ, что дѣло идетъ только о наказаніи пиратовъ, которыхъ, дѣйствительно, въ тѣхъ мѣстахъ много-множество. Припоминаютъ они о томъ, что въ іюлѣ прошлаго года французское правительство рѣшило усилить свой флотъ въ Тонкинѣ и весьма естественно опасаются, что не безкорыстно Франція хлопочетъ о водвореніи порядка въ аннамскихъ владѣніяхъ. Блистательный примѣръ европейскаго безкорыстія у всѣхъ на глазахъ происходитъ въ Египтѣ; послѣ того можно ли его ожидать въ такомъ захолустьѣ, какъ Тонкинъ.

Французы, также точно какъ британцы, высматриваютъ удобный торговый путь въ юго-западный Китай. Сначала они обратили вниманіе на р. Меконъ, но изслѣдованія убѣдили, что Меконъ выше Камбожи несудоходенъ. Та же самая экспедиція Лагрэ, которая пришла къ такому заключенію относительно Мекона, привезла весьма утѣшительныя для французовъ свѣдѣнія о рѣкѣ Сонъ-кой, и о Красной рѣкѣ французы не забыли. Въ 1870 году въ Юн-нань пробрался нѣкій г-нъ Дюпенъ. Онъ явился къ китайскому военачальнику, усмирявшему возстаніе, и предложилъ ему поставку европейскихъ оружій и снарядовъ, съ однимъ, однакоже, условіемъ, что европейское оружіе должно было быть доставлено китайцамъ по р. Сонъ-кой. Китайскій генералъ согласился на всѣ условія Дюпена. Дюпенъ, заключивъ выгодный договоръ, отправился въ Парижъ, гдѣ онъ рассчитывалъ найти

поддержку въ своемъ правительствѣ. Французскому правительству въ то время было не до помысловъ объ открытіи новыхъ путей по Красной рѣкѣ въ Китай. Предложенія Дюпена были отклонены. Онъ самъ, однако-же, не унывалъ; закушилъ оружіе и снаряды, и осенью 1872 г. его вооруженная флотилія стала подниматься вверхъ по рѣкѣ Красной. Аннамскія власти посматрѣли недружелюбно на шествіе флотиліи предприимчиваго французскаго поставщика. Въ Ха-кой дѣло дошло до вооруженнаго столкновенія. Дюпень, однако-же, ловко съумѣлъ пробиться и доставилъ китайцамъ орудія и снаряды; выгодно закончивъ сдѣлку, онъ пустился въ обратный путь. Достигнувъ Ха-коя, Дюпень остановился тамъ, кое-къ укрѣпился, и зная по опыту, какъ трусливы и слабы аннамцы, сообщилъ въ Сай-гонъ свои свѣдѣнія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми предложеніями. Въ Сай-гонѣ давно помышляли объ отдѣленіи Тонкина отъ Аннама, и въ отвѣтъ на письмо Дюпена къ нему былъ отправленъ Гарнье, съ отрядомъ въ 100 человекъ. Гарнье, явившись въ Ха-кой, усилилъ свой отрядъ дюпеневскими людьми и весьма скоро успѣлъ захватить крѣпость. Въ одну изъ вылазокъ онъ былъ, однако-же, вскорѣ убитъ. Его замѣстилъ другой французскій офицеръ, который нашелъ болѣе выгоднымъ прекратить военныя дѣйствія и вступить съ аннамцами въ переговоры. Эти дипломатическіе переговоры въ 1874 году увѣнчались трактатомъ, по которому Аннамъ очутился въ положеніи азіатскаго Туниса Франціи.

Господствуя въ Аннамѣ, фактически владея р. Сонъ-кой, французы мечтаютъ теперь, что имъ удастся совершенно парализовать торговые предпріятія англичанъ въ верхней Бирмѣ и юго-западномъ Китаѣ: по р. Сонъ-кой, мечтаютъ они, поплывутъ въ ихъ руки богатства изъ Юн-наия, Ли-чуана, Конг-си и т. д.; аннамскіе и камбоджскіе разношники наводнятъ французскими товарами верхнюю Бирму и торговому значенію Рангуна грозитъ страшная опасность. Такъ фантазируютъ французы, а между тѣмъ англичане уже захватили почти Суэзскій каналъ.

ХРОНИКА.

Слышимъ мы о московской выставкѣ и радуемся: вотъ Сибирь выставитъ свои произведенія, вотъ засіяетъ слава и моихъ земляковъ! Что-то однако о сибирскихъ раритетахъ никто не пишетъ, но есть у насъ другія свѣдѣнія. О выставки, выставки! Знаемъ мы васъ, во что вы обходитесь мѣстному населенію... и это хорошо знаютъ всѣ, кто знакомъ съ приемами сибирской цивилизаціи. Если въ европейской Россіи все это совершается „иниціативою общества“, промышленными учрежденіями, ассоціаціей заинтересованныхъ лицъ, то въ Сибири совершается все экспромтомъ на основаніи „предписанія“:

— Эй, исправникъ! выставку!

— Слушаю-съ! живо повозку! Подмыхляевъ, Подмыхляевъ! въ уѣздъ! командуетъ онъ двумъ здоровымъ разсылнымъ.

Неоцѣненные люди у насъ эти исправники, они у насъ все: выставку создать, цивилизацію насадить, въ экипажъ посадить, лягавыхъ щенковъ достать, козу съ арестантскимъ конвоемъ *) отправить—все они! Вотъ извѣстія о приготовленіяхъ къ выставкѣ въ Сибири. Когда были получены вѣсти о нынѣшней выставкѣ, то пришлось обратиться къ тѣмъ же способамъ воодушевленія жителей. Разосланы исправникамъ приказанія собирать (по мѣстному, обирать) предметы, на выставку и представлять таковыя

*) Однѣй исправникъ умудрился при арестантѣ отправить дикую козу пріятелю, конвойный козу довезъ, а арестантъ убѣжалъ.

съ фактурами въ трехъ экземплярахъ губернаторамъ. Попробовали какіе-то посторонніе люди посовѣтовать бросить эту моду и обратиться къ содѣйствію мѣстныхъ отдѣловъ географическихъ обществъ и частной иниціативѣ, но ихъ совѣтъ не пригодился. По старому-то лучше! И вотъ разыгрывается обыкновенная мѣстная сцена.

— Знаете, ребята, что у насъ будетъ выставка,— оповѣщаетъ исправникъ собравшійся въ волости мірской сходъ,—тащите сюда, что у васъ есть цѣннаго, красиваго, рѣдкаго и хорошаго.

— Ваше в—родіе, да у насъ еще третьяго года міромъ поставили, выставки *) не быть.

— Не у васъ будетъ выставка, а въ Москвѣ, говорятъ вамъ, галдѣлье!

Мужики и бабы недоумѣваютъ: зачѣмъ это въ Москвѣ выставка, неужто тамъ раньше не было.

— А какъ же ваше в—родіе, значить, теперь подъ эти вещи П. будетъ въ Москвѣ торговать, а намъ даровую выставку устроить?

— Попалъ, дуракъ, пальцемъ въ небо, то выставка питейная, а это выставка, выставка рѣдкостей всякихъ, что-ли. Ну, поняли, тащите же теперь сюда на столъ что у васъ есть красиваго и хорошаго, губернаторъ приказалъ.

— Да у насъ... ничего... ваше в—родіе, такого.

— Ладно. Ты, дѣдушка Михей, варежки вяжешь, вяжешь, а?

— Вяжу, батюшка ваше в—родіе.

— Ну, тащи варежки, да смотри самолучшіе.

— Кто еще чего у васъ тамъ дѣлаешь?

— А я, ваше в—родіе, деготь гоню, самосадъ, нужно будетъ (деготь въ кабакахъ въ залогъ не принимаютъ). Исправникъ роется въ книжкѣ правилъ для Московской художественной выставки: деготь тамъ есть, а самосадъ помѣщена въ другихъ классахъ, варежекъ совсѣмъ нѣтъ, послѣ перчатокъ сказано и проч. и проч.

— Ну, тащи и деготь, потомъ разберемъ. Да, стой-ка! Вотъ еще что: забѣги въ питейный, да возьми бутылку, да въ бутылку налей. Слышь?

Принесли варежки, холстишекъ, конопли и тому подобной дряни. Дателей переписали. Вещи исправникъ собралъ и уѣхалъ. Только-то? недоумѣваетъ деревня, старики и вѣрить не хотятъ, чтобы только и было.

Недѣля прошла благополучно, а тамъ повѣстки съ нарочнымъ: привести въ городъ и Михѣя и самосадчика, и тетку Арину и бабъ, что холсты жертвовали, для рукоприкладства по устройству промышленно-художественной выставки. Вотъ тебѣ и выставка! Закручинились бабы, а тамъ еще грамотный писарь подсказалъ, что въ бумагѣ написано, что промыслы ихъ не только худые, даже художественные. Притащили мужиковъ въ земскій къ рукоприкладствамъ, переписки много, къ каждому варежкамъ нужно написать три фактуры, да три объявленія, съ цѣнами. Въ городѣ народъ грамотный, фактуры не Богъ вѣсть что возмуть написать, да время дорого; держать два—три дня, а на чужихъ харчахъ мужику жить невыгодно. Не любить онъ этого. А тутъ бѣда другая, пристааетъ исправникъ, скажи настоящую цѣну варежкамъ; ну, какую ему скажешь цѣну, вѣдь самъ знаетъ какая цѣна. Нова модель, ребята, взяли бы втрое, да хоша не мучили!

У киргизовъ—идеть другая музыка. Что такое выставка, они знаютъ съ 60-хъ годовъ. Выставка была въ Лондонѣ, много собрали—ничего не отдали; выставка была въ Парижѣ, много собрали и тоже ничего не отдали (возвратныя вещи долго валялись въ главномъ правленіи Западной Сибири, мѣховыя одежды съѣла моль, а что по-цѣннѣе, съѣла другая моль); выставка была въ Петербургѣ, тамъ много собрали и немного отдали. Знаютъ киргизы что такое выставка и боятся этой научной реквизиціи хуже солдатскаго постоя. Лѣтъ 15 назадъ киргизы еще были незнакомы съ этимъ плодомъ европейской цивилизаціи и потому уѣзднымъ начальникамъ представлялось обширное поле для всесторонняго изученія экономическаго, промышленнаго и художественнаго состоянія страны. Атбасарскій уѣздный начальникъ завербовалъ разъ для представленія на Лондонскую, кажется, выставку 10 здоровыхъ киргизскихъ дѣвушекъ, разумѣется изъ семействъ богатыхъ; тѣмъ только и отдѣлались бѣдняжки, что ихъ подмѣнили кровными аргамаками. Обманъ обнаружился, когда

*) По-сибирски выставка—питейный домъ.

аргамаковъ привели въ Омскъ и распродаютъ по невысокимъ цѣнамъ, но было уже поздно. Долго онъ забывалъ киргизскаго лукавства, и въ средѣ своихъ собутыльниковъ съ удовольствіемъ разсказывалъ объ этомъ наивномъ происшествіи. Выставки столичныя и мѣстныя обезпечили благородное потомство не одного только уѣзднаго начальства. Остатки и сѣверные инородцы такъ обездолены, что съ нихъ взять рѣшительно нечего. Ахъ, тутъ много курьезовъ съ выставкой! Если въ европейской Россіи дѣлаются по поводу ея какія-либо обращенія и воззванія, то въ Сибири это предлогъ для побора. Какойнибудь волостной писарь дѣлаетъ изъ этого самую остроумную исторію. Чего, кажись, невнизе желанія собрать при этнографической выставкѣ типы жителей. Пославо было объ этомъ вѣжливое предложеніе. Губернаторы разослали исправникамъ, исправники подумали, подумали и отправили предложеніе въ волости. И вотъ въ Бійскомъ округѣ нѣсколько лѣтъ назадъ, писарь съ нескрытымъ злорадствомъ сообщаетъ.—Ну, братцы! поздравляю, скоро всѣхъ на съему погонять и деньги заплатите!

— Какъ,—что?—Со всѣхъ портреты снимать приказано!

Можно себѣ представить, какой страхъ нагнало это на населеніе. Ну, конечно, просили писаря отписаться, что «портреты имъ снимать не на что, бѣдность! да и многіе по старой вѣрѣ боятся этого». Писарь поломался, но получивъ прибавку къ жалованью—отписался. Еще-бы не благодарители эти писаря.

Скоро намъ доставятъ свѣдѣнія объ участіи сибирскихъ экспонентовъ на Московской выставкѣ! Посмотримъ, Михей—есть-ли твои варежки!

Сибирь страна привилегій и такихъ правъ, какихъ нигдѣ не водится. Недавно кто-то публиковалъ, не угодно-ли купить у него право на землю по выбору въ какомъ угодно мѣстѣ Восточной или Западной Сибири. Вѣдь это, можно сказать, дивный въ мірѣ собственникъ и единственное въ своемъ родѣ право.

Наконецъ, находятся въ Сибири лица, вполне изъятые изъ области обсужденій ихъ подвиговъ въ печати и обезпеченныя отъ гласности, что ни дѣлай. Въ газетѣ «Сибирь» въ № 16 мы находимъ слѣдующій отвѣтъ отъ редакціи своему корреспонденту.

Въ Тулуна «Правовѣдову». Крикуновы и Звонковы застрахованы отъ гласности.

Г-нъ Правовѣдовъ несовѣтъ, какъ видно, посвященъ въ мѣстныя условія жизни. Гг. Крикуновы и Звонковы дѣйствительно застрахованы отъ гласности. Они это право купили!

«Екатеринбургская Недѣля» сообщаетъ о слѣдующемъ самоотверженномъ подвигѣ во время Пермскихъ пожаровъ 23—26 мая. Одинъ купчина, взявъ машинный рукавъ, обливалъ публику, а также и работавшихъ на крышѣ загорѣвшагося дома. Когда ему замѣтили съ крыши, чтобы онъ остановилъ свое рвеніе, то купчина, продолжая свое, кричалъ только: «Я Еремѣевъ!» «Я Еремѣевъ!» Понятно, что г. Еремѣевъ желалъ, чтобы вознесли его на крышу европейской извѣстности. О, сколько на Руси героев!

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Кульджа (корресп. «Вост. Обозр.»). Прибывшіе въ Илійскій край китайцы уже начинаютъ нарушать трактаты и стѣснять какъ торговлю нашу вообще, такъ и положеніе русско-подданныхъ, нисколько не обращая вниманія на присутствіе нашихъ войскъ и комиссара съ консуломъ. Въ Суйдунѣ они стали уже собирать пошлины съ продаваемыхъ нашими торговцами барановъ; задерживаютъ и не пропускаютъ рисъ, привозимый нашими переселенцами въ Семирѣчье, для собственнаго пропитанія. Поведеніе китайскихъ солдатъ не менѣе нахально: надняхъ около Чинчаходзи они убили таранчинца; у Суйдуна свернули-было уже въ городъ

три арбы переселенцевъ съ запасами и имуществомъ, но арбы эти были отняты нашею полиціею. Если теперь, при нахожденіи нашего отряда въ Кульджинскомъ краѣ, китайцы дѣйствуютъ такъ нахально и незаконно, игнорируя трактаты и всякій порядокъ, то что будетъ совершаться здѣсь по уходѣ оккупационныхъ войскъ!? А вѣдь настоящее время только и представляетъ удобства и возможность къ тому, чтобы приучить китайцевъ къ исполненію договоровъ, уваженію правъ нашихъ подданныхъ, настоящимъ только временемъ слѣдуетъ пользоваться, чтобы возвысить и утвердить значеніе консула—представителя русскихъ интересовъ. Для всего же этого требуются твердыя, энергическія дѣйствія въ миролюбивомъ, разумѣтсѣ, направленіи, а не уступки и поблажки, которыя всегда ведутъ въ отношеніяхъ съ азіатами ко вреду и конфузу.

Барнаулъ. (корр. «Вост. Обозр.»). Отсутствіе здраваго общественнаго мнѣнія и чувства собственнаго достоинства въ здѣшнемъ обществѣ поражаетъ свѣжаго, неиспорченнаго мѣстною жизнью человѣка. Понятія о чести, собственности, долгѣ гражданскомъ и пр. — все здѣсь условно; поражающіе компромиссы съ совѣстію вы встрѣтите на каждомъ шагѣ; подобострастіе и грубая лесть къ высшимъ и нужнымъ людямъ, угнетеніе меньшихъ и слабыхъ — это основные принципы, на которыхъ зиждется здѣсь жизнь и дѣятельность. Каждый, несолидарный съ этимъ направленіемъ, становится отщепенцемъ; на него при всякомъ случаѣ набрасываются все и вся: ябеду, клевету, доносы и т. п. нечистые приемы—все испытуютъ на немъ. А попробуйте поймать хищника съ поличнымъ на мѣстѣ—сейчасъ на васъ накинется вся корпорація. Оно и понятно, если принять во вниманіе, что здѣсь существуетъ система: жалованья не получаютъ, а только росписываться въ полученіи его и все дѣлишки обдѣлывать подъ круглымъ ручательствомъ. Въ послѣднее время, въ особенности, все понятія спутались, наступило нѣчто похожее на столпотвореніе Вавилонское. Нѣтъ болѣе различія, что чисто, что нечисто, умно или глупо; свернешь ли шею, или цѣль останешься—все равно: чему быть, тому не миновать. Какъ въ калейдоскопѣ, въ памяти смѣняются одна за другой картины текущихъ явленій жизни, на всѣхъ ихъ или мрачный, или грязный колоритъ, и нѣтъ тѣни чего либо свѣжаго, нѣжнаго, ласкающаго душу. Одинъ, едва вступившій въ жизнь, несомнѣнно съ честными задатками, въ котормъ тлѣла и не могла потухнуть искра Божія, но, къ сожалѣнію, слабый характеромъ, подъ давленіемъ тяготы мѣстной жизни, теряетъ вкусъ къ жизни, забываетъ семейныя радости, все тѣмъ красна жизнь... и стрѣляется. Другой рядомъ съ нимъ, въ тѣхъ же условіяхъ стоящій, въ то же время покупаетъ книжку леухинскаго или манухинскаго дѣла о томъ: какъ научиться хорошему тону и быть пріятнымъ въ обществѣ. Здѣсь привлекаютъ къ отвѣту за злоупотребленія на заводахъ и удаляютъ отъ должности одного, а другой, пользуясь смутнымъ, но удобнымъ временемъ, продаетъ съ завода все до чиста желѣзо и кладетъ денежки въ карманъ; обличителя злоупотребленій гонятъ съ мѣста, вызываютъ на уголовщину различными притѣсненіями и оскорбленіями, передаютъ суду и наконецъ выживаютъ изъ края, между тѣмъ того, кто пойманъ и уличенъ, возводятъ въ новое, почетное званіе, даютъ преимущества, субсидіи и пр. Тутъ «мрачна смерть въ глаза глядитъ» человѣку, а онъ, задыхаясь, карабкается къ власти; надъ всей корпораціей виситъ дамокловъ мечъ, сулятъ ревизію, все десять казней египетскихъ... Корпорація сперва приходитъ въ нѣкоторое уныніе, потомъ встряхивается и съ удвоенною энергіею принимается за прежнее. «Жизнь коротка», говорятъ, надо пользоваться каждымъ случаемъ, который она даетъ. Подвернулись ак-

теры—меценатствуй, кути съ ними; явился благотворитель—валяй ему въ честь благодарность кутежь, ублаготворяй и ублаготворяйся самъ на счетъ «общественнаго сундука», продавайся съ публичнаго торга. Да и десять казней египетскихъ, что сулить ревизія, страшны только издалека. Вѣдь у ревизоровъ, хотя бы они были «и съ секретнымъ предписаніемъ», развѣ нѣтъ желудка, нѣтъ тонкаго вкуса, эстетическихъ чувствъ и т. п. Пусть будутъ они безкорыстны, правы, честны,—но, вѣдь, кушать-то захотятъ». Таковъ расчетъ, хотя не совсѣмъ вѣрный, и нѣсколько рискованный, но все же расчетъ и утѣшеніе. Между тѣмъ освященное традиціею хищеніе, какъ-бы при послѣднемъ издыханіи, дѣйствуетъ съ усиленною энергіею:

Здѣсь, тамъ хватай скорѣе,
Все пришло въ волненіе.

и заразило другія сферы... Попрежнему все обращается въ доходныя статьи: заводы, лѣса, земли, кабаки, поставки, кровавый трудъ нищаго рудовоза и пр. и малѣйшая неудача, урѣзка, недочетъ—вызываютъ рычанье, скрежетъ зубовой. Злятса, видите-ли, на то, что крестьянинъ почувствовался, бросаетъ заводскую кабалу и занялся земледѣліемъ; пересталъ попрежнему возить руду за нищенскую плату, изъ которой сверхъ того урѣзывались значительныя крахи и дѣлились между заправителями заводскаго дѣла и посредниками ихъ—подрядчиками. И всюду—то же. Городское дѣло «чумазый» слопалъ, Деруновы и Колупаевы забрали его въ свои лапы, а къ нимъ присосались: держиморды, пустосвяты, комисаріаты и представители «чистаго» вѣдомства *), et cetera и оборудываютъ дѣлишки. Въ прошломъ году въ городскомъ дѣлѣ, какъ будто бы, показался проблескъ жизни, но и тутъ все лучшее было принесено въ жертву золотому тельцу. «Чумазый» трихнулъ мошной и компромиссъ готовъ: все неспокойное въ смыслѣ «Чумазого» и несоответствующее хищническимъ цѣлямъ его—вейтировано. «Енъ достанетъ», сказано вѣрно. Сейчасъ трубятъ во всѣхъ концахъ о широкой благотворительности нѣкоей «матушки-благодѣтельницы», даютъ въ честь ея общественныя фриштики, на которые, по первому зову, слетаются всѣ званые, хотя въ то же время между собою всѣ толкуютъ, что около этой «матушки» составилъ квартетъ изъ самыхъ отъявленныхъ хищниковъ, никому несимпатичныхъ, успѣвшихъ уже шантажемъ и другими юридическими приемами стараго подъячества помочь «матушкѣ» оборудовать нѣсколько денежныхъ дѣлишекъ, въ общей сложности равняющихся болѣе чѣмъ въ три раза ея жертвамъ и впереди обѣщающимъ немало. Въ этомъ случаѣ разсуждаютъ такъ: «намъ что за дѣло, откуда и какія деньги, на нихъ ничего не написано; мы видимъ цѣль благотворительную, общественную пользу, народное образованіе»... А въ духовенствѣ, поставленномъ для водворенія мира и любви—что происходитъ? Постоянныя ссоры, ябеды, подкупы; сейчасъ льется проповѣдь Евангелія изъ устъ пастыря, а полчаса спустя онъ поселяетъ раздоръ въ семьѣ и обществѣ. Рядомъ съ воззваніемъ къ благотворительности на святое дѣло идетъ хищеніе, жертвы, полученіе могоарычей, выпрашиванье и даже настойчивое требованіе отличій и наградъ за благотворительность другихъ... Все это злоба дия Барнаула, дымъ и смрадъ, заставляющій свѣжихъ людей задыхаться и, смотря по темпераменту, или отпралять себя въ Влисейскія поля, или закупориваться въ свою скорлупу, или бѣжать изъ смраданаго болота...

Изъ Оренбурга (корресп. «Восточн. Обозр.»). До 1860 года башкирамъ было воспрещено отчужденіе земельныхъ участковъ въ

частную собственность, такъ какъ правительство пришло къ заключенію, что чрезъ продажу земель они приходятъ въ нищету и дѣлаются вполне номадами, кочующими не рѣдко на чужихъ участкахъ земли и производящими большія потравы, причивающія значительныя убытки крестьянскому земельному хозяйству, причѣмъ вслѣдствіе этихъ потравъ крестьяне не рѣдко убивали башкиръ и бросая трупы ихъ въ рѣку или зарывая въ лѣсахъ, совершенно скрывали слѣды преступленій и башкиры исчезали безслѣдно а преступленія оставались безнаказанными. Подобныхъ происшествій въ каждой волости было множество и всѣ усилія администраціи открыть преступниковъ оставались тщетными.

Въ 1860 году измѣнился взглядъ правительства и башкирамъ было предоставлено право продажи въ частную собственность принадлежащихъ имъ земельныхъ участковъ свыше 40-десятиной пропорціи душеваго надѣла. Въ данномъ случаѣ, правительство имѣло въ виду, что 40 десятинъ земли совершенно достаточно башкиру для паши, покоса и выгона, причѣмъ онъ, сравнительно съ земледѣльцемъ внутреннихъ малоземельныхъ губерній, является богатымъ вотчинникомъ, который засѣвая даже $\frac{1}{4}$ часть своего участка, будетъ сытъ, обутъ и одѣтъ со своей земли и долго ее не выпашаетъ. Въ строгомъ смыслѣ говоря, этотъ взглядъ оправдывается критически при условіи, если весь 40-десятинный надѣлъ башкира отмежеванъ ему полностью и притомъ участокъ состоитъ по большей части изъ пахатной и луговой земли. На практикѣ это встрѣчается очень рѣдко. Правительство затрачиваетъ ежегодно милліоны на обмежеваніе башкирскихъ земель и до настоящаго времени границы участковъ и межи по жилымъ урочищамъ находятся въ самомъ неопредѣленномъ состояніи.

Существуетъ на этотъ предметъ специальная коммисія по обмежеванію башкирскихъ земель, гдѣ предсѣдатель получаетъ до 6 тыс. рублей годоваго содержанія, а члены до 3 тыс., которые являются слишкомъ заинтересованными лицами, чтобы спѣшить своей работою. И вотъ, въ теченіи 20-лѣтняго своего существованія, коммисія не обмежевала и $\frac{1}{20}$ части башкирскихъ земель, представляя себѣ и своимъ наслѣдователямъ широкое поле наживы на этой многосложной операціи. Обращаясь къ качеству башкирскихъ земель скажемъ, что по большей части $\frac{2}{3}$ башкирскаго 40-десятинаго надѣла состоятъ изъ лѣса, раскинутаго на неприступныхъ высотахъ. Благодаря этимъ условіямъ лѣсъ этотъ не подвергается хищнической порубкѣ, такъ какъ эксплуатація его немислима и, если бы, даже достигнувъ горныхъ высотъ, срубить нѣсколько деревьевъ, то не представилось бы возможности вывозить ихъ отсюда или сплавить по рѣкамъ, такъ какъ вода не вездѣ, а по берегамъ лѣсъ давно вырубленъ. Въ подобныхъ условіяхъ землевладѣнія участки, можно сказать, не приносятъ никакого дохода и не даютъ никакихъ средствъ къ существованію, развѣ только представляютъ возможность на такихъ горахъ пастись козъ и овецъ, которыя дѣйствительно заходятъ туда не рѣдко. Таковы по преимуществу уѣзды: Верхнеуральскій, въ Оренбургской губерніи, Уфимскій и Стерлитамакскій, въ Уфимской губерніи. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мѣстность представляетъ ровную и гладкую поверхность послѣ расчистки и вырубкы лѣса, съ давнихъ поръ допущены самими башкирами-вотчинниками русскіе поселенцы въ качествѣ припущениковъ, и эти-то припущеники, селившіеся въ началѣ на башкирскихъ земляхъ безъ всякихъ актовъ, мало-по-малу, присвоивали себѣ участки земель, отданные имъ въ кортомъ или временное пользованіе, вызывая къ себѣ изъ внутреннихъ губерній Россіи своихъ односельчанъ и образовали цѣлыя русскія селенія, построили православныя храмы, завели лавки и цѣлыя базары и

* Такъ называютъ себя нѣкоторые акцизные.

утвердились на башкирской землѣ какъ на своей собственной. По этому поводу возникло безчисленное множество процессовъ и жалобъ башкиръ-вотчинниковъ на припущенниковъ. Нѣкоторые изъ этихъ жалобъ дошли до Правительствующаго Сената, который, утвердивъ за крестьянами право пользованія землями, занятыми подъ усадьбы, утвердилъ, въ то же время, владѣльческое право башкиръ на земельныя угодья, употребляемыя подъ пашню, покосъ и оставилъ равно лѣсные участки во владѣніи башкиръ, предоставивъ башкирамъ-вотчинникамъ отдавать эти земельныя угодья въ оброчное содержаніе крестьянамъ по цѣнамъ, существующимъ на этотъ предметъ для городскихъ и общественныхъ оброчныхъ статей. Эти условія показали стѣснительными для крестьянъ и они прибѣгли къ новой системѣ эксплуатаціи башкиръ. Вступая съ ними въ обязательства долгосрочной аренды, на 12, 15 и 20 лѣтъ, они стали включать въ обязательства такія тяжкія для башкиръ-вотчинниковъ условія, въ силу которыхъ послѣдніе не смѣли, безъ ихъ разрѣшенія, распорядиться ни одною пядью земли, даже находящейся въ арендномъ содержаніи и, сверхъ того, внося, въ силу тѣхъ же обязательствъ, арендную плату только за земельныя участки, употребляемыя подъ распашку и хлѣбныя посѣвы, пользовались бесплатно правомъ рубки лѣса въ дачахъ вотчинниковъ-башкиръ, подъ тѣмъ предлогомъ, что изъ числа арендуемой ими земли только половинная часть засѣяна ими хлѣбомъ. Такія стѣснительныя для башкиръ условія, при низкой арендной платѣ, по 50 коп. за десятину, необеспечивающія ихъ безбѣднаго существованія, вынуждаютъ ихъ прибѣгать къ разнаго рода фальши и обману. Не будучи въ состояніи нарушить контракта, такъ какъ крестьяне принимаютъ противъ нихъ всѣ мѣры предосторожности и умѣютъ, при заключеніи долгосрочныхъ обязательствъ, заручиться приговоромъ общества и другими гарантіями, башкиры, въ силу этихъ обязательствъ, осуждены на безпомощное состояніе. И вотъ они начинаютъ прибѣгать къ разнымъ хитростямъ и мелкимъ плутнямъ. То они украдутъ ночью у крестьянина нѣсколько возовъ сѣна изъ стога и продадутъ его на дальнемъ базарѣ, версть за 20, то нарѣжутъ въ лѣсу нѣсколько возовъ дровъ и тоже продадутъ на сторонѣ. Въ крайнемъ случаѣ украдутъ корову, лошадь, овцу, зарѣжутъ и съѣдятъ. Крестьяне мстятъ имъ жестоко. Они бьютъ ихъ до полусмерти, выламываютъ имъ руки и ноги, выкалываютъ глаза и нерѣдко ихъ убиваютъ, но ничто не помогаетъ и нищенствующіе на своей же землѣ башкиры все-таки продолжаютъ воровать.

Екатеринбургъ, 3 іюня (корресп. «Вост. Обозр.»). Переселенческое движеніе охватило сѣвернымъ флангомъ и нашу уральскую желѣзную дорогу. Переселенцы въ Сибирь въ теченіи мая прослѣдовали чрезъ Екатеринбургъ значительными партіями, иногда по 3—4 вагона въ день. Цѣль путешествія — болѣе богатныя мѣста Сибири, происхожденіе переселяющихся крестьянъ не сѣверныя губерніи, какъ можно было бы думать, судя по избранному ими маршруту, а напротивъ среднія и южныя, напр. Черниговская. Обстановка переселяющихся обычно-нищенская, ночлеги въ степи у вокзала за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда вслѣдствіе холода желѣзнодорожное начальство позволяетъ ночевать въ товарныхъ вагонахъ. Мѣръ призрѣнія ни правительственныхъ, ни по общественной инициативѣ никакихъ не принималось. — Получаемыя здѣсь статьи столичныхъ газетъ объ алтайскихъ горнозаводскихъ порядкахъ и о необходимости строгой ревизіи читаются здѣсь многими съ надеждой, что очередь разоблаченій коснется и порядковъ Урала. Но, конечно, это, при теперешнихъ условіяхъ, сдѣлается развѣ именно при посредствѣ столичныхъ изданій, потому что мѣстная

пресса цѣликомъ въ рукахъ тѣхъ, кому не на руку настоящая гласность въ этой области. Это нѣчто въ родѣ того, какъ одно время было въ Саратовѣ, гдѣ мѣстную газету издавалъ мѣстный полиціймейстеръ. Недавно началось производствомъ слѣдствіе по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ управленіи одними золотыми присками, обнаруженныхъ доносомъ обиженнаго служащаго изъ маленькихъ. Къ слѣдственному производству уже приобщены цѣлые вороха счетовъ и отчетовъ за время, къ которому относились злоупотребленія, доказываемыя самими этими счетами и расчетами. Слѣдственные власти взялись за дѣло горячо, потребовали у горнаго начальства указанія экспертовъ бухгалтеровъ и техниковъ золотопромышленнаго дѣла; но... имъ были указаны — какой-то второстепенный чиновникъ бухгалтеріи и вмѣсто техника специалиста такой чиновникъ особыхъ порученій, относительно котораго, по слухамъ, господствуетъ основательное сомнѣніе въ умственной его здравости...

Мѣстная общественная жизнь проявляется кое-какими скандальчиками, правда характеристичными, но неспособными занять болѣе серьезно-мыслящихъ людей въ такое время, какъ настоящее. Готовятся новые земскіе выборы, составляются избирательные списки, но интересующихся этимъ дѣломъ вы насчитаете можетъ быть десятковъ, или полтора. Да и изъ этого числа надо еще отбросить тѣхъ, которые заинтересованы лишь по желанію лично пристроиться на одну изъ выборныхъ должностей. Таковы, напримѣръ, оставшіеся не у дѣла мировые посредники, торопящіеся кто покупать цензъ для выбора въ мировые судьи, то пристраивающіеся къ другимъ мѣстамъ, напр. опекуна надъ богатыми частными заводами.

Мѣстная газета заговорила-было кое-что по поводу предстоящей избирательной сессіи, но какъ-то несмѣло, да неумѣло, да съ оговорками и чуть не съ извиненіями за разоблаченія нѣкоторыхъ избирательныхъ подходовъ. — Предметомъ разговоровъ служатъ за послѣднее время слѣдующіе бытовые скандальчики. Первый случай — врачъ Т. жалуется на врача О. мировому судѣ за клевету, которую тотъ будто бы взвелъ на него, увѣряя, со словъ пациентки, что его коллегa велъ леченіе не такъ какъ слѣдуетъ. Происходитъ разбирательство, допрашиваются свидѣтельницы, какія-то кухарки, показывающія, что при нихъ въ квартирѣ нѣкоей г-жи Б., живущей въ домѣ эскулапа-обвинителя, пациентка что-то такое рассказывала, чего онѣ не поняли; обвинитель выкладываетъ передъ мировымъ томы медицинскихъ сочиненій, доказывая, что онъ лечилъ сына пациентки какъ слѣдуетъ; мать умершаго мальчика со слезами заявляетъ, что Богъ съ нимъ съ докторомъ, вѣдь сына не воротилъ... тяжелая сцена и, конечно, оправдательный приговоръ къ неудовольствію храбраго обвинителя.

Другой случай. Благотворительная дама даетъ деньги на обзаведеніе швейной мастерицѣ Д., но потомъ Д. чѣмъ-то неугождаетъ благодѣтельницѣ и благодѣтельница является въ швейную съ руганью и велитъ забирать оттуда вещи, потому что онѣ ея. Обвинительный приговоръ за самоуправство, но... съ перспективой окончанія дѣла миромъ за деньги.

На праздникъ Краснаго Креста къ одному несчастному безответному молодому человѣку, страдающему началами сумасшествія, подходитъ одинъ изъ представителей интеллигенціи, беретъ его за носъ и таскаетъ при всей публикѣ къ великой ея потѣхѣ. Озадаченный маниакъ произноситъ неудачную фразу: «милостивый государь, какъ вы смѣете, я съ вами незнакомъ», тогда обидчикъ рекомендуетъ ему: «я присяжный повѣренный такой-то» и опять таскаетъ за носъ... Такъ забавляется остроумно наша интеллигенція.

У Р А Л Ъ.

Непроходимая хвойная чаща раздѣляетъ двѣ губерніи: Пермскую и Тобольскую. Тянется этотъ лѣсъ на сотни версты во все стороны. Звѣроловъ—вогуличъ, скрывшійся отъ глазъ начальства раскольникъ, бѣглый каторжникъ, наконецъ дикій звѣрь, чувствуютъ себя здѣсь полноправными хозяевами. Лѣсъ-отъ Божій! говорятъ и пограничные съ Сибирью пермскіе крестьяне, признавая общія права на лѣсъ-батюшку и выработавъ извѣстные отношенія и къ звѣролову, и къ раскольнику, и къ каторжнику. Дико показалось пермскимъ крестьянамъ, когда введенное въ ихъ мѣстности въ 40-хъ годахъ вѣдомство государственныхъ имуществъ стало имъ продавать этотъ самый лѣсъ-божій, дико было имъ отдавать часть собраннаго хлѣба для того, чтобы ссыпать его въ огромныя зданія хлѣбныхъ магазиновъ. Недовѣрчиво отнеслись крестьяне къ слухамъ, что новые чиновники призваны охранять ихъ экономическое благосостояніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ населеніе встрѣтило своихъ опекуновъ враждебно. Вскорѣ однако-же все вошло въ свою колею, выработались требуемая дисциплиною отношенія, опытъ сталъ показывать степень опекаемости крестьянъ, и потянулись годъ за годомъ... Внутри крестьянъ все-таки осталось сознаніе, что лѣсъ-Божій, и что хлѣбъ сыпается въ хлѣбные магазины неправильно, такъ какъ онъ тамъ сырѣетъ и оказывается негоднымъ для посѣвовъ. Но миролюбивое отношеніе вѣдомства къ крестьянамъ и порою заступничество за нихъ передъ земскою полиціею, сблизило нѣсколько чиновниковъ государственныхъ имуществъ съ крестьянами и выработало названіе «нашихъ господъ»^{*)}. Къ тому-же, гуманному отношенію крестьянъ къ звѣролову, раскольнику и бѣглецу «наши господа» не препятствовали, въ противоположность требованіямъ земской полиціи «ловить и представлять».

Въ концѣ 50-хъ годовъ шайка бѣглыхъ каторжниковъ вышла изъ Сибири и, остановившись въ чертѣ Пермской губерніи, ограбила нѣсколько проѣзжихъ купцовъ. Ближайшая къ мѣсту происшествія деревня Махнева получила предписаніе мѣстнаго исправника «немедленно» произвести облаву и переловить разбойниковъ. Въ отвѣтъ на это получили одно за другимъ два донесенія. Первое гласило о поимкѣ одного каторжника, —второе заключало печальное извѣстіе: «Вся Махнева горитъ!» На слѣдующій-же день «временное отдѣленіе» было уже среди погорѣвшихъ. Случайно въ этотъ-же день и мнѣ пришлось быть въ Махневой.

Махнева изображала изъ себя груды чернѣющихъ, мѣстами курящихся, головешекъ. Тамъ слышалось причитанье бабъ, тутъ плачь ребятишекъ. Мычаніе коровъ, блеяніе овецъ примѣшивались къ выраженію людскаго отчаянія и въ общемъ производили цѣлый хаосъ звуковъ. Здѣсь были груды пожитковъ и около нихъ люди одѣтые чуть не во все свои платья лѣтнія и зимнія; тамъ видѣлись почти нагіе погорѣльцы. Отъ всей деревни сохранились только двѣ избы, стоявшія въ сторонѣ, да запасный хлѣбный магазинъ, предупредительно построенный въ по-

^{*)} Такъ звали пермскіе крестьяне чиновниковъ государственныхъ имуществъ, этихъ «радѣльцевъ» о ихъ нуждахъ и интересахъ, въ отличіе отъ чиновъ земской полиціи, остающейся и по наши дни элементомъ чуждымъ, —требовательнымъ начальствомъ. Предлагаемый рассказъ припоминался мнѣ по поводу слуховъ о введеніи въ Западной Сибири вѣдомства государственныхъ имуществъ.

луверствѣ отъ деревни. Члены временнаго отдѣленія помѣстились въ одной изъ уцѣлѣвшихъ избъ, и вскорѣ около этой временно отдѣленной избы сталъ толпиться народъ, люди шли давать свои показанія, сильно заботясь о томъ, какъ-бы на допросѣ нечаянно оброненнымъ словомъ не запутать дѣла. Я занимала уцѣлѣвшую за огородами, на берегу рѣки, баньку. Изъ моего оконца было видно, что по другую сторону рѣки тянется лѣсъ. Солнце пряталось и бросало на верхушки его красноватые отливы. На голубомъ небѣ не было ни облачка; въ воздухѣ стояла тишина благодатная, а въ противоположность полному спокойствію природы, съ улицы доносились до меня то визгливое причитаніе бабы, то нетерпѣливая мужская брань. Я собиралась пить чай, когда дверь моего помѣщенія со скрипомъ отворилась и въ нее согнувшись нырнулъ мой большой пріятель Николай Ивановичъ, или какъ его звали въ деревнѣ дядя Микола. Это былъ человекъ лѣтъ сорока пяти, недюжиннаго ума и сердца, исполненнаго широкой любви къ человеку. Всякій общественный вопросъ дядя Микола принималъ близко къ сердцу; къ нему обращались за совѣтомъ даже «старіки». Случалось дядѣ Миколѣ въ качествѣ ходака бывать и въ губернскомъ городѣ. Одному только желанію общества дядя Микола постоянно противился, это—выбору его въ старшины. Его прямой, честной натурѣ претила двойственность положенія, въ которую волею-неволею иногда приходится вставать сельскому начальству. Наконецъ, дядя Микола былъ трезвый, трудолюбивый, исправно вносилъ подати, чѣмъ и поставилъ себя въ независимое положеніе. Весь внутренній міръ этого человека отпечатлѣвался на его лицѣ. Глубокія морщины между бровями выдавали его привычку соображать и обдумывать; глаза искрились задумчивостію и добротой.

Добродушная фізіономія дяди Миколы на этотъ разъ была мрачною, хотя онъ и былъ однимъ изъ тѣхъ двухъ счастливецъ, избы которыхъ уцѣлѣли отъ пожара. Но бѣда общества была близка этому человеку и онъ не на шутку призадумался. На мое приглашеніе присѣсть, дядя Микола тяжело вздохнулъ и опустился на лавку, по другую сторону стола. Онъ задумчиво теребилъ темно-русую окладистую бороду, очевидно собираясь сказать что-то. Взглядъ его блуждалъ по полу и по каменкѣ. Я молча подвинула ему стаканъ чаю. Онъ замѣтилъ это и поблагодарилъ, а потомъ вдругъ повернулся ко мнѣ лицомъ и съ видимою рѣшимостью произнесъ:

— У насъ до тебя, Листофоровна, просьба есть, я къ тебѣ якутатомъ отъ всехъ погорѣльцевъ; постарайся для міра, Христа-ради!.. и дядя Микола дотронулся рукою до полу у моихъ ногъ. Схлопочи намъ лѣску, продолжалъ онъ, чать лѣснаго-то знаешь?

— Знаю.

— Ну, то-то. Кабы не случись ты тутъ сама, то пришлось-бы мнѣ тебя въ городу отыскивать.

Я напомнила ему о чаѣ. Высказавъ свою просьбу, онъ видимо успокоился и взявшись за стаканъ чаю сказалъ:— А тамъ что идетъ, стра-а-асть. Я догадалась, что подъ словомъ тамъ онъ подразумеваетъ временно-отдѣленную избу.

— Тамъ, продолжалъ онъ, строжать и-и-и какъ! кандалами всехъ стращаютъ, острогомъ, каторгой, хотятъ изъ невинныхъ виноватыхъ сдѣлать. Десятскому Ванюшкѣ, что варнака караулилъ, руки и ноги связали и въ своей избѣ

въ подполье спустили, ровно арестанта. А нешто онъ виновать? Дядя Микола взглянулъ на меня, какъ-бы ища моего подтвержденія въ невинности Ванюшки, но я всё-таки не знала обстоятельствъ дѣла, и упростила дядю Миколу рассказать мнѣ всё подробности облавы и ея послѣдствія. Онъ сначала отпѣкивался, ссылаясь на то, что въ этотъ разъ онъ плохой рассказчикъ, такъ какъ у него въ головѣ мутно и на сердцѣ черно, но мало-по-малу сосредоточился и началъ свой рассказъ такимъ образомъ:

— Говорилъ я имъ, чтобы не дѣлать облавы, потому варнаки насъ николи не обижаютъ, а донести исправнику, что моль ходили, да не нашли. Такъ вѣтъ, сотекому Митричу захотѣлось выслужиться передъ исправникомъ! Сбилъ онъ насъ до двадцати человѣкъ, и повелъ утречкомъ рано, коихъ съ ружьями, коихъ съ кольями. Народъ шелъ не охотно, особливо какъ пришли къ тому мѣсту, гдѣ варнаки грабили. Тутъ, вишь, раздѣлили онъ насъ по пяти человѣкъ и пришлось каждому пятку идти на особицу, да все лѣсомъ да лѣсомъ. Тьфу-ты! Въ командѣ у меня, надо сказать, чуть не поголовно молодые парни были и всё-то трусятъ. Бѣда съ ними!.. Они этихъ самыхъ варнаковъ боялись, на которыхъ шли.—Что, говорятъ, дядя Микола, мы станемъ дѣлать, какъ на насъ человѣкъ десять нападутъ? тутъ вѣдь и жизни конецъ! Раньше-то мнѣ этого въ голову не приходило, а тутъ и я сталъ подумывать, только парнямъ виду не подавалъ. Иду да лясы съ ними точу, на смѣшки подымаю. А лѣсъ-отъ все гуще да гуще, а въ немъ,—все темнѣе да темнѣе. Прыгнетъ какой-ни на-есть звѣрекъ, аль птица порхнетъ, аль вѣтка обломится, парни мои и косятся на то мѣсто и жмутся другъ къ другу. Почитай больше часа шли. Поглядишь на верхъ, тамъ солнышко ясное, а у насъ-то въ лѣсу ровно ночь наступаетъ; сосна да ель такъ разрослись, что и вѣтками спутались. Наконецъ влѣзли въ такое мѣстечко, что ни шагу впередъ не сдѣлать. Пошли стволы ровно частоколь, и не пролѣзть человѣку. Побились мы тутъ да и плюнули. Разсудилъ я такъ: мы моль свое дѣло сдѣлали, свой участокъ прошли,—пора-де на привалъ на прогалину, куда Митричъ назначилъ всё-таки собираться. Потянулись мы гуськомъ, потому — по сторонамъ была такая-же непролазная чаща. Идемъ мы да торопимся на отдыхъ, какъ вдругъ! позади насъ какъ хряснетъ дерево, какъ бухнетъ кто-то на земь! Слышу, простоналъ да и завозился въ чащѣ—Вѣдмедь, говорю, парни, бѣгите! Вѣдмедь, вѣдмедь! закричали они да и пустились бѣгомъ, а про себя-то всякъ смекнулъ, кто оборвался съ дерева...

Дядя Микола вытеръ потъ рукавомъ рубахи, перевернулъ стаканъ вверхъ донышкомъ, положилъ на него огрызокъ сахару и продолжалъ:

— Солнце-то было за полдень, какъ всё пятки на прогалину собрались. Надо тебѣ сказать, что всё были съ пустыми руками. Митричъ-то озлился бѣда какъ! Что, говорить, я исправнику отпишу? Мнѣ, говорить, никто не попался, а вы видно нарочно пропустили; какъ это, разными мѣстами шли, а никто никого не видалъ! Ну, да видно—на ловца и звѣрь бѣжитъ. Ручеекъ тутъ бѣжалъ,—мелкій, хоть въ бродъ переходи, мы къ ручью-то съли, водицы начерпали да и принялись за хлѣбушко. Анъ глядимъ, неподалеку отъ насъ изъ кустовъ варначина здоровенный поднялся, да въ ручей и махнулъ. Извѣстно, сотскій со своимъ пяткомъ кинулись за нимъ да и окружили его, а взять-то не смѣютъ, потому—онъ ножемъ грозить. Одначе въ скорости догадался Митричъ, ружьемъ прицѣлился, да и крикнулъ варнаку.

— Бросай ножъ! Ну, и другіе за нимъ тоже прицѣлились. Дѣлать видно нечего! поругался, бѣдняга, почертыхался да и бросилъ свой ножъ въ воду. Моль, берите, вяжите!

Я полюбопытствовала, почему бѣглый остался въ кустахъ, когда видѣлъ приближающуюся опасность?

— Притомился вишь шибко, привалился въ кустахъ, да и заснулъ. Онъ вишь не думалъ, что облава экую даль отъ дороги пойдетъ. Это онъ намъ дорогой рассказалъ, добавилъ дядя Микола.

— Что-же онъ вамъ еще про себя рассказалъ?

— А ничего. У нихъ у всёхъ ссорка одна: кто моль-ты таковъ будешь? — Непомнящій родства. — Откуда ты? — Не знаю. — Какъ зовутъ? — Не знаю. — Какой тебѣ годъ? — Не знаю. — Куда идешь? — Не знаю. Да такъ хоть всю ночь, весь день спрашивай,—только и отвѣта, что не знаю. Одначе, что онъ варнакъ, мы сейчасъ узнали: на спинѣ клеймо, на ногахъ и на рукахъ подтеки отъ кандаловъ были.

Дядя Микола тяжело вздохнулъ и выглянулъ въ оконце. Сѣренькая лѣтняя ночь спустилась на земь; надъ рѣкою легкими струйками стлался туманъ; лѣсъ потемнѣлъ; съ берега доносился ароматъ бѣлой кашки; на синемъ небѣ зажглись кое-гдѣ звѣздочки, полная луна, въ спокойномъ величіи, сыпала на земь серебристые, блѣдые лучи. Но дядя Микола не былъ эстетикомъ, онъ не замѣтилъ красоты природы, а разсѣянно оглянулъ противоположный берегъ и задумчиво произнесъ: — лучше-бы намъ не брать варнака, а то вонъ какой бѣды нажили!

Нѣкоторое время мой собесѣдникъ какъ-бы соображалъ что-то, а потомъ довольно быстро заговорилъ:

— Спустили мы варнака къ вочи въ западню, люкъ затворили и легъ Ванюшка—десяткой-отъ, спать на западнѣ, чтобы сохранилѣ, значить, варнакъ былъ!.. Тутъ дядя Микола перекрестился и произнесъ какимъ-то упавшимъ голосомъ:—Господи твоя воля, видно ужъ такъ грѣхъ насъ попуталъ. Съ устатку-то всё мы заснули мертвымъ сномъ. Только и слышу я, что кто-то застучалъ ко мнѣ въ окно и крикнулъ: пожаръ! Въ то время ужъ свѣтатъ зачалъ. Вскочилъ я ровно полоумный, выбѣжалъ на улицу, глянулъ, анъ со стороны сельскаго правленія—избы-то ровно береста въ печи,—такъ и пылають. Народъ-отъ весь на улицѣ былъ. Кто пожитки на берегъ тащить, кто ореть благимъ матомъ, другъ дружку кличатъ и безъ пути толкуются на мѣстѣ. А дымъ-отъ такъ и валить, а огонь,—знай перескакиваетъ съ избы на избу. Пробовали и тушить, да гдѣ экое мѣсто зальешь? Ничего не могли по-дѣлать. Дядя Микола замолчалъ и опять задумался. Черезъ нѣсколько секундъ, я спросила его о судьбѣ арестованнаго, но онъ не слышалъ моего вопроса. Его занимали другія соображенія, которыя онъ вскорѣ и высказалъ.

— Выпроси ты намъ лѣску-то, Христа ради, возобнови онъ свою просьбу, глядя на меня искоса. Ишь его сколько у насъ! Да и сама знаешь, что коли всей деревнѣ дадутъ отстроиться, такъ и не замѣтно будетъ убыли. Не станеть-же лѣсничій перечить въ экомъ дѣлѣ? Вѣдь чей онъ, лѣсъ-отъ? Божій! Для чего созданъ? На пользу человѣку. Не такъ-ли? Экая бѣда случилась!—неужто откажетъ? Куда ему и съ лѣсомъ-то? Поди, дозволить? Вотъ то-же хлѣбца у окружнаго схлопотать-бы... Вѣдь нашъ онъ, хлѣбъ-отъ, отъ насъ собранъ, да въ магазю ссыпашъ. Опять-же и лѣсничій, и окружный начальникъ вѣдь наши радѣтели, «наши господа», такъ и пусть въ экой бѣдѣ выручатъ, это имъ отъ Господа показано...

Я обѣщала хлопотать. Тогда онъ успокоился и высказалъ такія соображенія:

— Скотинка на ночь въ лѣсъ уходила, такъ вишь и уцѣлѣла. Хлѣбушко на корню стоитъ, смѣкай: кабы лѣску да хлѣбца до новины, такъ была бы не бѣда, а полбѣды. Ну, а безъ этого пропали совсѣмъ. Придется хлѣбъ на корню да скотинушку задешево сбыть, робятъ малыхъ по чужимъ дворамъ распахать, а самимъ разбрестись куда глаза глядятъ. Вотъ что!

Я напомнила о судьбѣ пойманнаго бѣглаго. Дядя Никола не скоро оторвался отъ своихъ размышленій и съ трудомъ поймалъ нить разказа. Однако, войдя очевидно въ положеніе Ванюшки-десятскаго, съ нѣкоторымъ оживленіемъ заговорилъ:

— И-и-и... натерпѣлся страху Ванюшка въ ту ночь. Вишь ты, какъ это было. Спитъ онъ и слышитъ, что за руку его кто-то тащить. Глянулъ!—авъ передъ нимъ четыре варнака. Хотѣлъ онъ закричать, да не могъ, ротъ былъ тряпицей заткнутъ. Тутъ парню руки и ноги связали, да и бросили его въ уголъ, ровно дерьмо какое. Лежитъ Ванюшка ни живъ—ни мертвъ и видитъ, какъ варнаки локъ открыли, лѣстницу въ подполье опустили и товарища своего выпустили на волю. Глядитъ Ванюха и думаетъ: сейчасъ меня ножемъ въ бокъ пырнуть и стать о грѣхахъ молиться. А они нѣтъ!.. пальцемъ даже не тронули. Выволокли парня посередь дороги, правленіе подожгли, да и говорятъ:— скажи, паренъ, своимъ, чтобъ облавы больше не дѣлали, а то еще и не то будетъ! Лежитъ Ванюха, да ушамъ своимъ не вѣритъ, а еще больше онъ диву дался, какъ они кинулись къ первымъ двумъ избамъ, что подлѣ правленія, и давай въ окна грохать, да кричатъ:— пожаръ! пожаръ! ровно какъ и свои... Видно въ нихъ душа-то есть! Сколько бы народу сгорѣло, вѣдь всѣ спали, страсть даже подумать!

— Ну, что же дальше?

— А тутъ, вѣстимо, кинулись они на зады, махнули огородами, да и были таковы!

На мои соображенія, что все равно этой шайкѣ не сдобровать, что она будетъ схвачена, такъ какъ исправникъ увѣдомитъ полицію другихъ уѣздовъ, дядя Никола откровенно отвѣтилъ:

— Ты думаешь, дураковъ наша? Слухами-то, небойсь, земля полнится. Послѣ экой страсти никто ловить не будетъ, да и варнаки по дорогѣ шалить перестанутъ. Теперь ужъ они въ разсыпную пойдутъ, по-двое, много по-трое. Они парни-то не промахъ! Да вотъ я тебѣ какой случай разскажу...

Но дядя Никола былъ прерванъ дежурнымъ десятникомъ, который позвалъ его для дополнительныхъ показаній.

Правосудіе, въ лицѣ временнаго отдѣленія, свое дѣло сдѣлало. Оно искало среди крестьянъ соучастниковъ въ поджогѣ и въ освобожденіи арестанта, чтобы достойно покарать виновныхъ, но истина разъяснилась тождественными показаніями всей деревни, и карать было некого. Теперь, казалось бы, настала пора выступить на помощь погорѣльцамъ вѣдомству государственныхъ имуществъ. Но, къ сожалѣнію, оказалось, что чиновники этого вѣдомства были не въ правѣ сдѣлать что-нибудь для крестьянъ по собственной инициативѣ. Лѣску погорѣльцамъ не было дано. Лѣсничій наотрѣзъ отказался принять на себя отвѣтственность въ такомъ важномъ дѣлѣ. Онъ могъ дѣйствительно попасть подъ судъ. Дать право на бесплатную

вырубку лѣса для постройки цѣлой деревни не шутка. Лѣсничій не имѣлъ права даже на совершеніе долговаго обязательства. Хлѣбъ погорѣльцамъ понадобился скорѣе лѣсу. Но въ этомъ случаѣ власть окружнаго начальника оказалась безсильною. Законная выдача хлѣба могла производиться только весною, при посѣвахъ, исключительные случаи предусмотрѣны не были. И окружный начальникъ, и лѣсничій, оба послали экстренныя донесенія въ палату государственныхъ имуществъ, прося о скорѣйшемъ разрѣшеніи выдачи погорѣльцамъ хлѣба и лѣсу. А дни шли очень тяжелые: у оконъ домовъ нашего уѣзднаго города почти непрерывно слышался вопль:— Подайте, Христа ради, погорѣльцамъ! Выглянешь въ окно и глазамъ представится измозженное лицо бабы-страдалицы, полунагой, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, или мужикъ испитой, голодный, съ выраженіемъ полного отчаянія въ лицѣ. Рука его, привычная къ работѣ, неумѣло протягивается за подаваніемъ, неумѣло опускаетъ черствые куски въ дерюжную суму, треплющуюся по боку. Съ недѣлю погорѣльцы бродили по городу, потомъ разбрелись неизвѣстно куда. Многіе изъ нихъ и сами не знали, куда направиться и что предпринять. А нетерпѣливо ожидаемаго отвѣта изъ палаты не было. Посѣтилъ въ эти дни нашъ городъ и дядя Никола. Онъ былъ пораженъ результатомъ нашихъ хлопотъ и впалъ въ уныніе. При всей своей сметливости, дядя Никола туго понималъ юридическія формальности и только руками разводилъ, восклицая:— какъ же такъ? хлѣбушко нашъ, лѣсъ-то божій, да и господа-то наши!

Палата отвѣтила только черезъ полгода и то какимъ-то уклончивымъ разрѣшеніемъ. Очевидно, и тамъ не были предусмотрѣны способы помощи крестьянамъ въ экстренныхъ случаяхъ.

— Эхъ, опоздали они съ этимъ дѣломъ, замѣтилъ грустнымъ тономъ дядя Никола, пріѣхавшій по этому поводу въ городъ.

Дѣйствительно, хлѣбъ раздавать было некому, некому было и строиться, да и возможна ли была постройка въ глухую зиму, въ клящіе морозы? Все это вызывало на грустные вопросы:— что скажетъ весна? всѣ ли погорѣльцы возвратятся на старое пепелище? Гдѣ-то и какъ они пробиваются жестокою зимою?

Дядя Никола тогда, точно угадавъ мои мысли, задумчиво произнесъ:

— Эхъ, кабы въ ту пору лѣску да хлѣбушка...

Л. Симонова.

ЕЩЕ ПО ПОВОДУ ТРЕХСОТЛѢТІЯ СИБИРИ.

По поводу 300-лѣтія Сибири не мало было высказано всевозможныхъ пожеланій и мыслей. Настоящій историческій очеркъ рисуетъ также картину ея прошлаго и выражаетъ надежды на улучшеніе судьбы нашей страны. Совершится-ли это во время празднованія 300-лѣтія или нѣтъ, наконецъ осуществится-ли самое празднованіе, мы не знаемъ; да и при настоящихъ обстоятельствахъ, т.-е. при неизмѣненномъ положеніи Сибири оно едва-ли можетъ вызвать какія либо отрадныя чувства. Дѣло не въ празднествахъ, періодъ переживаемый краемъ важенъ какъ начало сознанія и новыхъ требованій. Обманется-ли Сибирь въ своихъ ожиданіяхъ—это другой вопросъ, пока можно констатировать одинъ фактъ, что общественное сознаніе ея выросло и даетъ себя безпрестанно чувствовать.

Начало XIX вѣка ознаменовывается для Сибири управленіемъ печальной памяти Трескина. Какъ на свѣтлыя стороны его управленія, можно указать: на развитіе земледѣлія

даже между бурятами, устройство дорогъ и сокращеніе разбоевъ. Но эти добрыя воспоминанія омрачаются необыкновенною жестокостью, самымъ наглымъ хищничествомъ и необузданнымъ произволомъ и самовластіемъ. Это былъ настоящій бюрократическій терроръ. Все трепетало и рабски служило всемогущему губернатору. И это въ то время, когда въ Россіи, повидимому, загоралась заря обновленія... Но сибиряки уже не были въ это время поголовно безотвѣтными рабами. Мѣщанинъ Саломатовъ окольными путями, лѣсными тропинками убѣгаетъ изъ Сибири и лично подаетъ Царю всеобщую челобитную на невыносимое тиранство Трескина. Назначается ревизія Сперанскаго.

Несомнѣнно, что Сперанскій былъ высокоразвитый, гуманнѣйшій человѣкъ. Но въ то время, когда онъ былъ назначенъ ревизоромъ въ Сибирь, онъ уже былъ не тотъ Сперанскій, который въ 1810 году задумывалъ государственнѣйшій переворотъ. Бури сломали этого человѣка,—и въ Сибирь онъ явился уже бюрократомъ, централизаторомъ. Въ его душѣ царило уже «отчаянье». Онъ дѣлалъ, что только было можно, при тѣхъ условіяхъ, въ которыя былъ поставленъ. Смѣнивъ всѣхъ чиновниковъ въ Сибири, онъ горько жалуется на то, что ихъ не кѣмъ замѣнить и что на мѣсто смѣняемыхъ придется назначить, можетъ быть, еще худшихъ. Конечно, онъ зналъ, что говорилъ.

Стало-ли лучше Сибири послѣ преобразованій Сперанскаго, подвинуло-ли ее впередъ «Сибирское Уложеніе»,—это вопросъ, который невозможно рѣшить въ газетной статьѣ, имѣющей цѣлью только напомнить сибирякамъ главнѣйшіе моменты ихъ исторіи и намѣтить тѣ пути, по которымъ шла сибирская жизнь въ прошломъ... Скажемъ только, что отъ многообъемлющаго ума Сперанскаго не укрылся ни одинъ сибирскій вопросъ: ни вопросъ инородческій, ни вопросъ о ссылкѣ, ни торговля дѣла, ни промышленность съ земледѣліемъ, ни народное образованіе. Но фатумъ русской жизни таковъ, что и на почвѣ Сибири благія желанія высокообразованнаго, безкорыстнаго и несомнѣнно благожелательнаго человѣка остались однѣми желаніями. Онъ не могъ уже вдохнуть въ свои предначертанія духа жизни, потому что духъ этотъ и въ немъ самомъ былъ убитъ Аракчеевыми, Фотіями и Магницкими. Онъ былъ уже не геній новаторъ, не законодатель и глубокій политикъ, а «высшей пробы бюрократъ»...

Со времени Сперанскаго до настоящаго времени въ устройствѣ Сибири ничего не измѣнилось. Переменялись только правители, которыхъ за это время перебивало въ одной Восточной Сибири девять, такъ что на каждаго приходится не болѣе шести лѣтъ управленія. Самымъ выдающимся изъ нихъ былъ гр. Муравьевъ-Амурскій. Съ его именемъ связано присоединеніе Амура. Къ сожалѣнію, приобрѣтеніе новыхъ земель не оправдало ни тѣхъ усилій, которыя были на это употреблены, ни тѣхъ надеждъ, которыя питали творцы амурскаго дѣла. Между тѣмъ, занятый этимъ дѣломъ, гр. Муравьевъ, дѣятель энергическій и честный, не имѣлъ времени вникать въ потребности и нужды вѣреннаго ему края, такъ что занятіе Амура отразилось на остальныхъ областяхъ Сибири только излишними тягостями. Порядки остались прежніе. Впередъ мы не подвинулись ни на шагъ.

Въ экономической жизни страны во второй четверти настоящаго столѣтія выступаетъ новое крупное производство,

значеніе котораго еще и доселѣ не опредѣлилось и которое возбуждаетъ горячіе споры за и противъ. Это — золотопромышленность. Съ государственной точки зрѣнія золотой промыселъ, несомнѣнно, имѣетъ большое значеніе. Онъ привлекъ въ Сибирь много капиталовъ, создалъ много мѣстныхъ капиталистовъ и далъ казнѣ большія выгоды. Но регламентация этого дѣла на мѣстѣ страдаетъ многими недостатками. Правда, этотъ промыселъ привлекъ и умножилъ въ Сибири капиталы, содѣйствовалъ развитію торговли и украшенію городовъ. Онъ познакомилъ насъ съ роскошью, дотолѣ невиданною; онъ отвлекъ много праздныхъ людей отъ порочной жизни среди трудящагося, честнаго населенія. Но въ то же время золотая горячка отняла капиталы отъ другихъ производителей предпріятій. Золотопромышленность, можно сказать, убила въ Сибири фабрично-заводское дѣло, убила кустарные промыслы, уменьшила размѣры земледѣлія и скотоводства и произвела дороговизну, которая тяжело ложится на всѣхъ, неимѣющихъ соприкосновенія съ этимъ промысломъ. Мы уже не говоримъ о вліяніи золотопромышленности на народную нравственность. Въ этомъ отношеніи всѣ приносимыя ею выгоды едва-ли покроютъ и малую долю того вреда, который она приноситъ странѣ... Деньги, лежація въ сундукахъ капиталистовъ и въ банкахъ, мы не считаемъ народнымъ богатствомъ. Народное богатство — это орудія труда, способствующія всеобщему благосостоянію. Увеличенію этого богатства золотопромышленность не содѣйствовала, а уменьшила его. Заработки, получаемые отъ золотого дѣла, обогащаютъ не массу населенія, а единицы: кабатчиковъ, управляющихъ и торговцевъ предметами роскоши,—выигрышъ для страны небольшой. Создается особаго рода плутократія, весьма опасная для будущаго страны по своей отсталости, невѣжеству и грубому, эгоистическому инстинктамъ.

Что создало изъ Сибири ея историческое прошлое? На какой стадіи остановилась здѣсь жизнь? Какъ сложились и что представляютъ собою различные слои сибирскаго населенія? Всѣ-ли отрасли народнаго труда и производства развиваются правильно, въ цѣляхъ равномѣрнаго благосостоянія? Какія изъ нихъ получили вредное для всеобщаго благоденствія направленіе и какія нуждаются въ поощреніи? Въ чемъ состоятъ насущныя, неотложныя нужды Сибири?

Легко поставить эти вопросы, но не такъ легко и не такъ удобно отвѣчать на нихъ. Попробуемъ.

Невозможно въ краткомъ очеркѣ даже намѣтить всѣ разнообразныя условія почвы и климата, подъ которыми въ разныхъ областяхъ Сибири должна развиваться жизнь населенія, примѣняясь къ этимъ условіямъ и извлекая свойственныя мѣстности естественныя богатства для своего благосостоянія. По мѣрѣ силъ и развитія сибирякъ и примѣняется къ этимъ условіямъ, ведя неустанную борьбу съ суровой природой и побѣждая ее. Но кого онъ не въ силахъ побѣдить,—это человѣка же, своего брата, большею частію пришельца, болѣе сильнаго и хитраго. Въ силу господствующаго еще у насъ дарвиновскаго закона,—что бы ни говорили противники Дарвина, — сильный преобладаетъ у насъ надъ слабымъ и послѣдній или гибнетъ въ этой борьбѣ, или закабляется давящей его силой. Только это — не сила мышцъ, зубовъ и роговъ, а сила капитала и власти. Въ особенности этотъ законъ примѣняется къ сѣверу Сибири и къ ея заолустьямъ. Въ полосѣ, болѣе населенной, земледѣльческой уже

замѣтны начатки иныхъ, болѣе разумныхъ, человѣчныхъ порядковъ.

Справившись съ численностью населенія въ разныхъ уголкахъ Сибири, мы приходимъ къ заключенію, что по густотѣ населенія она можетъ быть сравниваема съ Архангельской губерніей, а ея южныя части, наиболѣе населенныя,—съ Уфимской и Оренбургской. Рѣдкость населенія — одно изъ значительныхъ препятствій быстрому развитію края. Малое сравнительно населеніе не въ силахъ ни проводить хорошихъ дорогъ, ни устроить водяныхъ путей, ни осушать громадныхъ болотъ, почти всюду мѣшающихъ сообщеніямъ. Многія мѣстности Сибири еще надолго останутся глухими захолустьями, куда не проникаетъ свѣтъ и гдѣ въ особенности находятъ пріютъ и раздолье разные хищники. Освѣтить эти уголки необходимо для правильнаго хода народной жизни. Въ этихъ темныхъ углахъ преимущественно ютятся теперь остатки сибирскихъ инородцевъ. Съ нихъ мы и начнемъ обзоръ сибирскаго населенія. Мы уже сказали выше, что изъ инородческаго населенія финское племя, а частію тунгусско-монгольское въ теченіи трехсотлѣтія постоянно вымирали и что процессъ этотъ совершается и теперь. Мы не считаемъ этого процесса неизбежнымъ; по чувству человѣчности, мы предпочитаемъ ему метисацію и обрусѣніе. Что была возможность замѣнить дѣйствіе перваго процесса вторымъ, это доказалъ, какъ мы сказали, покойный Шаповъ своими изслѣдованіями надъ енисейскими остяками. Можно ли теперь что-нибудь сдѣлать, чтобы предотвратить конечное исчезновеніе этихъ племенъ? И должно, и возможно. Должно предупредить окончательное истощеніе тѣхъ средствъ къ существованію, которыя даетъ этимъ бѣднымъ племенамъ занимаемая ими территорія; должно предохранить ихъ отъ различныхъ видовъ эксплуатаціи. Быть можетъ, возможно и поднять уровень ихъ экономическаго и умственнаго развитія путемъ ознакомленія съ лучшими орудіями промысловъ и новыми производствами. Нужно отнестись къ нимъ разумно и человѣчно... Послѣ трехсотъ лѣтъ кабалы и стѣсненій, послѣ нерѣдкихъ примѣровъ голодной смерти и вынужденнаго людоѣдства, долгъ совѣсти требуетъ, чтобы мы вспомнили этихъ аборигеновъ Сибири и, испрашивая себѣ лучшихъ учрежденій, не забыли и ихъ...

Инородцы татарскаго и монгольскаго племени находятся въ иныхъ, гораздо лучшихъ условіяхъ. И природа, и люди были къ нимъ милостивѣе. Не утративъ своей народности, они, уже въ силу общихъ съ русскимъ населеніемъ занятій и промысловъ, почти сравнялись во всемъ съ послѣднимъ и раздѣляютъ съ нимъ всѣ удобства и всѣ невыгоды условій, среди которыхъ течетъ жизнь сибирскаго крестьянскаго населенія. Одного они требуютъ: быть ближе къ правому и скорому суду и къ просвѣтительнымъ средствамъ. Пора отмѣнить отжившія, слишкомъ огромныя права, присвоенныя инородческимъ управленіямъ. Власть разныхъ ноеновъ, тоеновъ, тайшей и султановъ становится невыносимо-тягостною. Двоевластіе—свое, народное и чиновное уже не въ моготу сибирскимъ инородцамъ.

Что сибирское крестьянство находится въ гораздо лучшихъ условіяхъ, чѣмъ большинство крестьянъ европейской Россіи—фактъ несомнѣнный. Но несомнѣнно также, что фактъ «оскудѣнія» замѣчается и въ Сибири. И здѣсь старые устои, на которыхъ покоилось патріархальное крестьянское обще-

ство, колеблются. Семьи дѣлятся, младшее поколѣніе предъявляетъ свои личныя права, по-просту, не слушается старшаго. Семейное начало не то, что падаетъ, а дробится и видимо ищетъ новыхъ для себя основъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, съ одной стороны, малосильныя, вслѣдствіе дѣленія, семьи не въ состояніи держать хозяйство въ исправности: воли-то хочется, а справиться и съ пашней и съ натуральными и денежными повинностями, и съ выборными должностями, съ болѣзнями и развѣздами—не хватаетъ силъ; съ другой стороны, наиболѣе способные, хитрые, а часто и неразборчивые въ средствахъ превращаются въ кулаковъ и образуютъ особаго рода деревенскую аристократію, которая, въ единеніи съ властью имѣющими, пригнетаетъ остальное населеніе, закабаляетъ его и превращаетъ въ батраковъ, кортомя ихъ земли и становясь новаго рода помѣщиками. Прежде многосемейный, могучій мужикъ расчищалъ себѣ сколько хотѣлъ и могъ пустопорожныхъ земель, былъ богатъ не въ ущербъ другимъ. Теперь такихъ земель по близости селеній уже нѣтъ, и богачи захватываютъ земли у бѣдныхъ, причемъ спайванье играетъ не послѣднюю роль. Явленіе это, впрочемъ, замѣчается не исключительно только въ крестьянскомъ быту. И въ городахъ капиталы все болѣе и болѣе сосредоточиваются въ немногихъ рукахъ. Это одно изъ свойствъ капитала, и не одна Сибирь несетъ на себѣ гнетъ этого закона. Потому мы, константировавъ существованіе этого явленія въ сибирской жизни, предоставимъ другимъ объяснять его и изыскивать средства противъ зла. Въ Сибири же, при ея довольствѣ землями, поднятію уровня крестьянскаго благосостоянія могли бы помочь и тѣ реформы, которыми пользуются ихъ европейскіе собратья, всего же болѣе широкое развитіе цѣлесообразно устроенныхъ школъ и обогащеніе знаніями, какъ общими, такъ и прикладными. Судъ, школа и болѣе самостоятельное управленіе—вотъ пока ближайшіе идеалы сибирской деревни.

Ремесленное сословіе въ Сибири чуть не до послѣдняго времени вербовалось изъ сѣльскихъ и ихъ дѣтей. Образованія ремесленнаго въ Сибири еще не существуетъ; едва полагаются первыя основанія ремесленныхъ и техническихъ школъ. При возрастающемъ богатствѣ городовъ и съ развитіемъ торговли, ремесленныя занятія окупаются въ Сибири хорошо; ремесленниковъ, людей болѣею частію неразвитыхъ, губить кабакъ. Жаль, что общество вообще холодно относится къ ремесленнымъ школамъ; онѣ могли бы дать контингентъ развитыхъ и хорошо обеспеченныхъ жителей городовъ, тогда какъ теперь масса разныхъ сапожниковъ и т. п. представляетъ элементъ, не скажемъ опасный, а жалкій и некрасивый, городского населенія.

Классъ людей промышленныхъ и торговыхъ, классъ чиновниковъ всевозможныхъ вѣдомствъ—весь этотъ людъ, конечно, тотъ же въ Сибири, что и въ европейской Россіи. Всѣ они хорошо знаютъ свои нужды и потребности; въ ихъ рукахъ и всѣ средства къ удовлетворенію этихъ потребностей. Одно слѣдуетъ здѣсь сказать о первыхъ двухъ классахъ: увлекаясь выгодами торговли и особенно золотопромышленности, наши большіе и малые капиталисты мало обращаютъ вниманія на обработку мѣстныхъ сырыхъ произведеній; они совершенно игнорируютъ заводское и фабричное дѣло. Однѣ изъ производствъ находятся въ рукахъ монополистовъ, другихъ совсѣмъ не существуетъ. Все привозится

изъ Европы, на все ложится тяжесть дорогаго провоза. Много миллионъ осталось бы въ карманахъ сибиряковъ, много основалось бы прочныхъ фирмъ, если бы хоть часть капиталовъ была употреблена на обработку мѣстнаго сырья и разработку естественныхъ произведеній Сибири. Стекло, посуду, деревянныя ложки, чуть не кирпичъ, воземъ мы за пять тысячъ верстъ, какъ будто на мѣстѣ нѣтъ матеріала и рукъ для этихъ полезныхъ, имѣющихъ обширный сбытъ производствъ!

Но если торговое сословіе и чиновничество не нуждаются въ какой бы то ни было указкѣ и неохотно выслушиваютъ сужденія печати, то печать все-таки обязана говорить о нихъ, какъ о верхнемъ слоѣ населенія, какъ объ интеллигенціи страны. Оба вмѣстѣ, эти сословія составляютъ такъ-называемое общество, руководящіе классы, претендующіе на вліяніе. Есть ли въ Сибири общество съ приличествующими ему атрибутами—общественнымъ мнѣніемъ и голосомъ въ судьбахъ населенной имъ страны? Существуетъ ли въ Сибири интеллигенція, въ высшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова? Въ чемъ проявляется жизнь общества и дѣятельность интеллигенціи, куда онѣ ведутъ насъ, къ какимъ идеаламъ стремятся? Мы знаемъ нравы, образъ мыслей, видимъ поведеніе, слышимъ разговоры, можемъ поименовать много развитыхъ, умныхъ, начитанныхъ людей; бывали, случалось, въ клубахъ и собраніяхъ; не танцовали, не играли въ карты и не подходили къ буфетамъ, но играющихъ, танцующихъ и выпивающихъ видѣли много, только, увы, ничего другаго не видали,—общества и интеллигенціи на этихъ собраніяхъ не существуетъ. Гдѣ же наше общество, съ его общественнымъ мнѣніемъ и общественными задачами? Гдѣ и что дѣлаетъ интеллигенція, въ смыслѣ руководящаго, просвѣщающаго и всеосвѣщающаго класса? Должно быть, общество—въ нашихъ думахъ, а интеллигенція—въ канцеляріяхъ и классахъ. Въ такомъ случаѣ мы знаемъ, что они дѣлаютъ. Пусть они тамъ и сидятъ. Мы же скажемъ, что общества у насъ, въ Сибири, еще нѣтъ, общественнаго почина, руководимаго интеллигенціей, не существуетъ, а есть отдѣльныя личности, есть отдѣльные кружки, имѣющіе извѣстныя убѣжденія, извѣстный образъ мыслей, но не имѣющіе никакого значенія въ исторіи страны, въ ея прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Сибирь еще не начинала жить настоящею жизнью, жизнью страны образованной, цивилизованной, страны, достигшей зрѣлаго самосознанія, ясно понимающей и свои права, и свои силы, и умѣющей отстаивать эти права и разумно употреблять эти силы. Сибирское общество еще въ будущемъ, а сибирская интеллигенція въ Сибири—сила чуждая, посторонняя, имѣющая свои особыя, большею частію личныя цѣли. Интересы Сибири для нея—не потребность сердца, всей души, всего существа, а долгъ, подъ часъ весьма тяжелый, неприятный, словомъ, не свое, а чужое дѣло. Свою интеллигенцію дасть намъ, вѣрно, будущій университетъ. Подождемъ, а пока, резюмируя свои воспоминанія, укажемъ по пунктамъ на тѣ благія пожеланія нашему юбиляру, которыя намъ, по свойству нашего ремесла и въ качествѣ сибиряка-старожила, пришлось слышать отъ честныхъ и умныхъ людей, наблюдавшихъ сибирскую жизнь въ разныхъ углахъ Сибири. Эти благожеланія сводятся къ слѣдующимъ немногимъ:

Первое—увеличеніе числа школъ, какъ общеобразователь-

ныхъ, такъ и профессиональныхъ; скорѣйшее открытіе университета, основаніе политехнической высшей школы, устройство общественныхъ, городскихъ и сельскихъ читаленъ и техническихъ и ремесленныхъ музеевъ.

Второе—развитіе кустарныхъ промысловъ и выгодныхъ производствъ.

Третье—прекращеніе ссылки.

Четвертое—введеніе реформъ, которыми уже много лѣтъ пользуется наша метрополия...

Пусть каждый, имѣвшій терпѣніе дочитать нашъ эскизъ, дополнитъ нашъ перечень и своими пожеланіями, только добрыми и... да процвѣтаетъ въ будущемъ наша мать—Сибирь!

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Въ Египтѣ событіе слѣдуетъ за событіемъ. Пока конференція обсуждала мѣры для водворенія порядка въ Египтѣ, пока ожидался отвѣтъ отъ Порты на предложеніе вооруженнаго вмѣшательства, лордъ Сеймуръ, 29 іюня въ 7 часовъ 40 м. утра, сюрпризомъ для всѣхъ европейскихъ государствъ, началъ бомбардировать Александрію, оправдываясь тѣмъ, что будто-бы, не смотря на его ультиматумъ прекратить вооруженіе фортовъ, работы продолжались. Англійскія дальнобойныя орудія дѣйствовали разрушительно, тогда какъ огонь съ александрійскихъ фортовъ былъ безвреденъ; бомбы и гранаты падали въ воду, не достигая судовъ непріятели. Въ нѣсколько часовъ форты были разрушены, вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько пострадалъ дворецъ хедива и во многихъ частяхъ городъ загорѣлся. Тогда возмущенное населеніе кинулось на европейцевъ, оставшихся въ Александріи, большее число которыхъ и было истреблено, между прочимъ убиты многіе служащіе торговыхъ домовъ и банкирскихъ конторъ. Въ это время Араби-паша поднялъ парламентарскій флагъ. Англичане остановились высадкою войскъ въ ожиданіи переговоровъ, но парламентаръ со стороны египтянъ не явился, назначенный срокъ истекъ, бомбардированіе города возобновилось. Оказалось, что поднятіе флага было ни болѣе ни менѣе, какъ уловка Араби-паши, который во время прекращенія огня собралъ свои войска и удалился съ ними къ Каиру. Въ сущности Араби-паша отплатилъ лорду Сеймуру его же монетой. Хедивъ, заключившійся въ своемъ дворцѣ какъ узникъ, былъ спасенъ своими приближенными отъ разъяренной черни, ворвавшейся-было во дворецъ съ намѣреніемъ умертвить его. Члены конференціи, озадаченные быстро нанесеннымъ ударомъ Англіею Александрію, единогласно признали дѣйствія лорда Сеймура справедливыми, вынужденными варварскимъ упрямствомъ. Теперь честолюбіе Англій удовлетворено, она явилась первенствующею державой въ египетскомъ вопросѣ и, послѣ даромъ доставшейся побѣды, великодушно предложила всѣмъ союзнымъ державамъ высадить оккупационные отряды на египетскую территорію. Турціи сдѣлано предложеніе въ томъ же духѣ. Въ настоящее время англійскія войска охраняютъ хедива, въ Александрію кромѣ того вступили отряды моряковъ съ германскихъ и американскихъ судовъ, а за ними десанты и съ прочихъ судовъ, за исключеніемъ австрійскихъ и греческихъ. Два русскихъ судна, «Азія» и «Забіяка», находятся у Александріи, но дѣйствія ихъ пока еще невѣстны.

Къ общему обозрѣнію дѣлъ въ Египтѣ не лишнимъ считаемъ добавить фактъ, единичный самъ по себѣ, во не лишенный интереса можетъ быть по отношенію къ ближайшему будущему. Въ южной части Египта нѣсколько лѣтъ тому назадъ появился фаватикъ, выдающій себя за пророка,

посланнаго Аллахомъ освободить арабовъ отъ нашествія христіанъ и даже отъ турецкаго владычества. Этотъ мнимый пророкъ пріобрѣлъ горячихъ поклонниковъ, увѣровавшихъ въ его миссію. Обаяніе этого человѣка на югѣ едва-ли не сильнѣе обаянія Араби-паши на сѣверѣ. Эти два человѣка, стремящіеся къ одной цѣли, не протянули руки другъ другу и дѣйствовали въ качествѣ соперниковъ. Недавно въ газетахъ промелькнуло отрывочное, однако-же официальное извѣстіе, что лже-пророкъ съ своимъ войскомъ, состоящимъ изъ 7,000 арабовъ и бедуинъ двинулся къ сѣверу и сразился съ египетскимъ войскомъ, которое разбило. Египтяне отступили, оставивъ непріятелю 4 орудія и 3,000 ружей. Пророкъ съ своимъ войскомъ направился къ Сенаару. Интересно, какъ отнесутся другъ къ другу въ критическихъ обстоятельствахъ два народные любимца.

— На совѣтѣ турецкихъ министровъ, обсуждавшихъ предложеніе конференціи о вооруженномъ вмѣшательствѣ для водворенія порядка въ Египтѣ, многими было высказано мнѣніе, что лучше Турціи совѣмъ потерять Египетъ, нежели въ угоду Европѣ идти вооруженною силою противъ мусульманъ. Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, Порты долго конфиденціально указывала кабинетамъ державъ, что ихъ вмѣшательство въ египетскія дѣла и этимъ самымъ пренебреженіе, оказанное къ правамъ султана, какъ египетскаго государя, обострило египетскій вопросъ. Наканунѣ бомбардированія Александріи, султанъ сообщилъ лорду Дѣфферину, что въ теченіи наступающей ночи Порты приметъ окончательное рѣшеніе и дастъ отвѣтъ на предложеніе державъ. Съ своей стороны, лордъ телеграфировалъ въ Лондонъ и адмиралу Сеймуру. Не это-ли дало поводъ къ рѣшительному поступку Англии, съ цѣлью предупредить вмѣшательство Турціи? Но какъ бы то ни было, а Порты была поражена извѣстіемъ о начавшемся бомбардированіи. Турецкій посоль въ Англии, Мусурусъ-паша, тотчасъ же потребовалъ немедленнаго прекращенія бомбардированія. Лордъ Гренвилъ отвѣчалъ турецкому послу, что крайне серьезныя обстоятельства вынудили Англию на рѣшительныя мѣры, отъ которыхъ отступить невозможно. Въ настоящее время отношенія Порты къ Англии весьма натянуты, во-первыхъ, вслѣдствіе игнорированія правъ султана и во-вторыхъ, сближенія Порты съ арабскимъ элементомъ Египта. Очевидно, султанъ старался затянуть начатіе враждебныхъ дѣйствій для того, чтобы успѣть убѣдить Гладстона въ бесполезности туркофобской политики сэра Чарльза Дилька, а затѣмъ вмѣстѣ съ Англіею осторожно уничтожить шумную національную партію Египта, подобно тому, какъ ему удалось уничтожить мидхадовскую конституціонную партію и албанскую лигу. По послѣднимъ извѣстіямъ, впрочемъ, Порты соглашается принять участіе въ оккупации Египта. Во главѣ турецкаго министерства стоитъ Саидъ-паша. Султанъ, назначая его, высказалъ, что затруднительныя обстоятельства, въ которыхъ онъ принимаетъ министерство, требуютъ немедленнаго примѣненія всей его дѣятельности, всѣхъ его силъ и признанной его политической опытности, чтобы успѣшно выполнить трудныя задачи настоящаго.

— Англійское правительство увлечено своимъ успѣхомъ. Министерство Гладстона пріобрѣло утерянную-было симпатію общества и окрѣпло, — англійскія газеты возвысили тонъ. «Times», при всемъ своемъ сочувствіи дѣйствіямъ правительства, однако-же помѣщаетъ два документа, рисующіе дѣло бомбардированія далеко не въ привлекательномъ видѣ. Одинъ изъ этихъ документовъ представляетъ письмо генеральныхъ консуловъ европейскихъ державъ въ Александрію къ адмиралу Сеймуру, другой — отвѣтъ адмирала. Въ первомъ, между прочимъ, говорилось: «Мы надѣемся, что вы примете во вниманіе серьезную опасность, которую бомбардированіе причинитъ мѣстному христіанскому населенію, а также имѣющее послѣдовать уничтоженіе на колоссальную сумму имущества европейцевъ. Первымъ подписался подъ этимъ письмомъ французскій генеральный консулъ. Въ от-

вѣтѣ лорда Сеймура слѣдующія строки обращаютъ на себя вниманіе: «Въ виду серьезности ввѣренныхъ мнѣ интересовъ, одни письменныя заявленія, въ какихъ-бы выраженіяхъ онѣ ни были составлены, окажутся совершенно безцѣльными. Считаю долгомъ указать, что военныя дѣйствія, если онѣ окажутся нужными, будутъ направлены противъ фортовъ, а не противъ города, а потому не вижу повода опасаться ожидаемаго вами вреда для частныхъ лицъ и ихъ собственности». Далѣе та-же газета говоритъ, что какіе бы способы конференція ни изобрѣла для рѣшенія египетскихъ дѣлъ, «Англія намѣрена во что бы ни стало, уладить египетскій вопросъ». Почти всѣ газеты требуютъ немедленнаго преслѣдованія Араби-паши. При сообщеніяхъ Дилька въ палатѣ общинъ о дѣйствіяхъ англійскихъ судовъ и вступленіи войскъ въ Александрію, слышались одобренія. Люди, недовольные политикою правительства, составляютъ исключеніе въ Англии. Такъ Джонъ Брайтъ, вліятельный членъ кабинета Гладстона и вмѣстѣ съ тѣмъ канцлеръ герцогства ланкастерскаго, вышелъ въ отставку, не соглашаясь съ политикою министерства по дѣламъ Египта. Между тѣмъ, палата лордовъ окончательно приняла принудительный билль, безъ пренія и безъ голосованія, въ редакціи, выработанной палатою общинъ.

— Французское министерство, въ противоположность англійскому, находится весьма въ затруднительномъ положеніи. Бороться приходится извнѣ и внутри. Парламентскій и политическій міръ относится къ Фрейсина съ явною холодностью. Стремленіе къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ Египтѣ и въ то же время желаніе сохранить свой авторитетъ въ Африкѣ миролюбивою политикою, повело французское правительство къ двойственнымъ, нерѣшительнымъ дѣйствіямъ, которыя были поняты и оцѣнены французами по достоинству послѣ бомбардированія Александріи англичанами. Послѣдствія колебаній могутъ быть прискорбны для Фрейсина. Французская палата выноситъ еще политку его единственно изъ нежеланія возвратиться во власть Леона Гамбетты, но надобно полагать, что какъ только явится возможность замѣнить Фрейсина кѣмъ-нибудь помимо Гамбетты, то палата не задумается низвергнуть нынѣшняго министра. Въ Парижѣ 2-го (14) іюля, въ день годовщины провозглашенія французской республики, на смотрѣ войскъ присутствовали президентъ Гриви и всѣ министры. Народная толпа встрѣтила ихъ криками: «Vive la République». Смотръ войскъ прошелъ блистательно.

Событія русской жизни.

Согласно Высочайшему указу отъ 25-го іюня, государственная полиція остается по прежнему въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ. За министромъ остается званіе шефа жандармовъ и главноначальствующаго надъ всѣми частями и управленіями, составляющими отдѣльный корпусъ жандармовъ. Онъ руководитъ ихъ дѣятельностію по обнаруженію и изслѣдованію преступленій. Товарищъ министра, генералъ-маіоръ Оржевскій, назначается командующимъ отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ, въ его распоряженіи будутъ находиться части: строевая, инспекторская и военно-судебная.

— Въ «Собраніи узаконеній» обнародовано Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о мѣрахъ къ ограниченію работы малолѣтнихъ на фабрикахъ и заводахъ. Дѣтей до двѣнадцатилѣтняго возраста безусловно запрещено допускать къ фабричнымъ работамъ; дѣти съ 12-ти до 15-ти лѣтъ могутъ работать не болѣе восьми часовъ въ сутки, притомъ только по четыре часа сряду. Ночная работа имъ воспрещена. Занятія, предоставляемыя малолѣтнимъ, не должны быть, по своему свойству, вредными для здоровья и обремененными.

нительными. Кромѣ того, на владѣльцевъ заводовъ и фабрикъ возлагается обязанность предоставить возможность ежедневнаго, трехчасоваго посѣщенія учебныхъ заведеній тѣмъ изъ малолѣтнихъ рабочихъ, которые не имѣютъ свидѣтельства объ окончаніи курса однокласснаго народнаго или другаго равнаго ему училища.

— Высочайшимъ указомъ отъ 27-го іюня, экзархъ Грузіи преосвященный Іоанникій назначенъ митрополитомъ московскимъ и коломенскимъ.

— Дѣйствующій уставъ объ акцизѣ съ табаку отмѣняется и съ 1 января 1883 г. вводятся временныя правила, гласящія: во 1) устройство табачныхъ фабрикъ разрѣшено во всѣхъ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ, а въ селахъ съ разрѣшенія министра финансовъ; 2) хозяева фабрикъ, за исключеніемъ обѣихъ столицъ, Царства Польскаго, Одессы и Риги, обязаны брать бандеролей ежегодно на сумму не менѣе 3,000 р.; 3) остающіяся бандероли минувшаго года дозволяется обмѣнивать на бандероли наступающаго года; 4) фабриканты обязаны уничтожить скученность внутреннихъ построекъ на фабрикахъ въ теченіи года.

— Въ ночь на 30-е іюня на 296-й верстѣ отъ Москвы, по московско-курской желѣзной дорогѣ, произошло крушеніе поѣзда. Размытая ливнемъ насыпь дороги разлѣзлась, какъ масло, подъ тяжестью поѣзда и поглотила нѣсколько вагоновъ, втянувъ ихъ въ себя; локомотивъ и тендеръ упали на нихъ. Убитыхъ и раненыхъ до 200 человекъ. Вагоны затянутые глиною, раскопываются; раненые, оставшіеся на поверхности земли, отправлены въ Орель. Производится слѣдствіе. По частнымъ источникамъ слышно, что мѣстное желѣзнодорожное начальство знало о неблагонадежности пути, такъ какъ роковое мѣсто и раньше при предъидущихъ поѣздахъ давало осадку, сопровождаемую глухимъ трескомъ, но надѣялось на-авось. Изъ официальныхъ свѣдѣній извѣстно, что въ промѣину обрушилось семь пассажирскихъ вагоновъ и одинъ багажный, что напоръ воды былъ на 10 аршинъ, и что раскопкою вагоновъ занято около 1000 человекъ. Провалъ вагоновъ — фактъ безпримѣрный въ исторіи крушенія нашихъ поѣздовъ.

— Изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Пензенской, Вятской, Рязанской и Тамбовской губерній получены неутѣшительныя свѣдѣнія относительно урожая и появленія вредныхъ для полей и луговъ насѣкомыхъ. Земства серьезно озабочены.

— На-дняхъ, въ Москвѣ, торговопромышленный съѣздъ открылъ свои засѣданія, причемъ обращаетъ на себя вниманіе рѣчь профессора Менделѣева, гдѣ онъ указалъ, что нашу промышленность губитъ бюрократизмъ, чиновничество, ставящее всевозможныя затрудненія развитію дѣла, и что для поднятія промышленности необходимо учрежденіе промышленныхъ банковъ и особаго вѣдомства промышленности, отдѣльнаго отъ министерства финансовъ.

— По слухамъ, вопросъ о введеніи формы для учащихъ въ университетахъ и др. высшихъ учебныхъ заведеніяхъ рѣшенъ окончательно. Студенты должны будутъ носить форму какъ въ заведеніяхъ, такъ и внѣ ихъ. Проектъ этотъ будетъ внесенъ въ государственный совѣтъ на-дняхъ.

— Изъ Смѣлы въ «Кіевлянинѣ» пишутъ, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого мѣстечка находятся двѣ образцовыя пасѣкы, устроенныя приглашенными туда графомъ Бобринскимъ итальянскими пчеловодами. Пасѣкы эти имѣютъ до 600 ульевъ. Онѣ устроены по новѣйшимъ усовершенствованіямъ пчеловодства и завѣдуются двумя пчеловодами-специалистами. Желающіе ознакомиться съ устройствомъ пасѣкъ допускаются на нихъ безъ всякаго затрудненія.

— Изъ Гётеборга вышелъ, по словамъ «Голоса», 24-го іюня (6-го іюля), въ Сѣверный океанъ пароходъ «Норденшѣльдъ», имѣющій назначеніе доставить грузъ товаровъ къ устью Енисея. По словамъ шведскихъ газетъ, командѣ парохода было объявлено, при прощаніи, что благополучному исходу ихъ плаванія придается гораздо большее значеніе, чѣмъ всѣмъ предшествовавшимъ экспедиціямъ, такъ какъ отъ исхода нынѣшней экспедиціи будетъ зависѣть рѣшеніе:

г. Сибиряковъ или продолжить, или бросить попытки завести морское торговое сообщеніе съ Сибирью.

— «Оренбургскій Листокъ» передаетъ изъ достовернаго источника, что ожидавшаяся судебная реформа въ Уральской области отложена на неопредѣленное время.

— Газета «Кавказъ» передаетъ, что Н. Хосроеву разрѣшено издавать въ Тифлисѣ ежемѣсячный педагогическій журналъ, на армянскомъ языкѣ, «Варжаранъ» (Училище).

— Изъ Ростова - на - Дону, какъ сообщаетъ «Русскій Курьеръ», посланы были два прошенія въ главное управленіе по дѣламъ печати о разрѣшеніи ежедневной газеты «Донская Пчела». Но министръ внутреннихъ дѣлъ отказалъ въ такихъ ходатайствахъ.

— 4-го іюля вышелъ первый номеръ еженедѣльной польской газеты «Край», издающейся въ Петербургѣ. Газета эта, какъ видно по началу, будетъ откликаться не только на внутренніе вопросы, касающіеся Польши, но и на обще-русскіе и вообще обѣщаетъ быть живымъ и интереснымъ органомъ. Въ 1-мъ номерѣ между прочимъ помѣщена статья г. Спасовича, представляющая profession de foi новой редакціи, называющей себя демократичной.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

ВАЖНЫЙ ПРОБѢЛЪ ВЪ НАШИХЪ ЗНАНІЯХЪ.

(По поводу «Справочной книжки русскаго сельскаго хозяйства» *).

Съ перваго раза можетъ показаться странной—рѣчь въ нашей газетѣ о книгѣ сельско-хозяйственной; да еще притомъ справочной. Для чего она Сибири, гдѣ хозяйничаютъ еще первобытнымъ способомъ неграмотные мужики, гдѣ нѣтъ пока образованныхъ землевладѣльцевъ, гдѣ все, что стоитъ выше крестьянина—занимается горными и другими промыслами, торгуетъ и служитъ?

Такой вопросъ задалъ себѣ, полагаемъ, не одинъ заѣзжій въ Сибирь чиновникъ и промышленникъ, не одинъ, заглянувшій въ нашу газету-столичный публицистъ. Полагаемъ даже, что отъ такого вопроса не избѣгла бы и тогда наша газета, если бы она не была посвящена Востоку, а представляла бы собою вообще русскую газету. И дѣйствительно—почему-то мы до настоящаго времени ни въ одной газетѣ, ни въ одномъ журналѣ (кромѣ специальныхъ) не наталкивались на рѣчь объ этой книгѣ. А выходитъ она уже много годовъ и ежегодно является подновленною и дополненною любопытнѣйшими свѣдѣніями изъ живой сельско-хозяйственной практики. Итакъ, заводя рѣчь по поводу такой непопулярной книги, постараемся объяснить причину, вслѣдствіе которой эта рѣчь является въ первыхъ же номерахъ нашей газеты. Причина эта заключается въ томъ, что указываемая нами книга дѣйствуетъ отрезвляющимъ образомъ на каждаго кабинетнаго составителя проектовъ земельного устройства крестьянъ, ихъ самоуправленія, отношеній ихъ къ мѣстнымъ властямъ и вообще къ государству. Книга эта говоритъ о нашемъ и что же стѣ въ дѣлѣ рѣшенія этихъ вопросовъ и томъ громадномъ вредѣ, который мы наносимъ крестьянству, а съ нимъ и всему государству, оставаясь безъ понятія о тѣхъ знаніяхъ, которымъ прежде всего слѣдовало учиться въ земледѣльской странѣ каждому, готовящему себя къ поприщу администратора или публициста. Эти знанія—сельско-хозяйственныя и находящіяся съ ними въ связи. Какъ о тѣхъ, такъ и о другихъ мы, въ массѣ,—рѣшительно не имѣемъ никакого понятія и вотъ именно почему: всѣ—«мы», воспитавшіеся въ гимназіяхъ, университетахъ, специальныхъ институтахъ, лицейхъ—учены весьма многому. Изъ рядовъ нашихъ выходила и выходятъ знаменитые ученые химики, медики, филологи, археологи, публицисты и проч... Сельско-хозяйственныхъ курсовъ во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ не проходитъ, а наукамъ естественнымъ, лежащимъ въ основаніи сельско-хозяйственныхъ знаній, начали учить у насъ весьма недавно.

Во время крѣпостнаго права русскіе помѣщики только и дѣлали за тѣмъ, чтобы рабочіе выходили своевременно на работы, усердно работали и чтобы хлѣбъ выгодно продавался. Вообще, живя даже въ сво-

* Составленъ О. А. Баталинымъ, при участіи многихъ лицъ, извѣстныхъ въ нашемъ ученѣмъ сельско-хозяйственномъ мѣрѣ.

ихъ имѣніяхъ, они занимались дѣломъ надзора за своими подданными, управляли ими, судили и наказывали ихъ. Сибирскіе помѣщики даже и этого не дѣлали; вопросы-же о томъ: съ какой почвой что дѣлать, когда ее вспахивать, засѣвать, подь какое растеніе отвести данное поле, насколько лѣтъ запустить подь заросль, залежь или назначить подь парь, когда выпустить на него скотъ, и проч. и проч., всѣ эти вопросы рѣшались исконными сельскими хозяевами-крестьянами, которые брали массу знаній по этому предмету изъ личнаго наблюденія и опыта и изъ поученій, разсказовъ, преданій отцовъ и дѣдовъ. У выписываемыхъ имѣцевъ-управляющихъ учиться въ большинствѣ случаевъ можно было только—дѣлу разоренія имѣній.

Это повальное невѣдѣніе сельско-хозяйственной науки плохо сказалося въ отношеніи всего государства. Въ Россіи много помѣщиковъ, ввѣвшихъ безъ должныхъ знаній за хозяйство по улучшеннымъ системамъ—разорилось; но еще хуже это отразилось и продолжается отражаться на крестьянствѣ, на народѣ, и вотъ именно какимъ образомъ: ученые общества, имѣющія отношенія къ сельско-хозяйственному дѣлу, земства и наконецъ чиновничество (оно одно и въ Россіи, и Сибири), прямо или косвенно вѣдающее это дѣло—всѣ они являлись не людьми свѣдущими въ этомъ дѣлѣ, какъ было бы желательно, а невѣдущими его. Иначе впрочемъ и быть не могло, потому что вся масса людей, чему-нибудь учившихся, была въ большинствѣ совершенно безъ какихъ бы то ни было сельско-хозяйственныхъ знаній, а меньшинство—профессора, ученые агрономы и весьма незначительное число землевладѣльцевъ—знали только теорію западно-европейской науки, безъ умѣнія прикладывать ее къ своеобразной русской землѣ. Такимъ образомъ изъ невѣдущей сельско-хозяйственной дѣла массы могли выйти только несвѣдущіе ея представители: въ земствѣ, въ сельско-хозяйственныхъ обществахъ, въ чиновничьей арміи.

Между тѣмъ отъ всѣхъ этихъ учреждений и лицъ потребовалось въ Россіи разрѣшеніе вопросовъ о поднятій и развитіи сельскаго хозяйства въ средѣ владѣльческихъ классовъ и крестьянъ. Возникъ въ послѣдствіи такой-же вопросъ и относительно сибирскихъ крестьянъ. Повальному сельско-хозяйственному невѣжеству всѣ эти вопросы казались легки и несложны, мѣры противъ нихъ просты: «уничтожай, предписывай созидать, учи и карай»—вотъ формула, въ которую можно вмѣстить всѣ выводы и рѣшенія по этимъ вопросамъ большинства земствъ, ученыхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, различнаго чиновничества и публицистовъ различнѣйшихъ направленій. Разселить крестьянъ хуторами, ограничить сроки передѣловъ, завести школы и фермы, которыя учили бы крестьянъ тому, что и безъ того извѣстно всякому, умѣющему держать соху въ рукахъ и проч. и вѣчто подобное—только и было придумано и съ апломбомъ провозвѣщалось на словахъ и на бумагѣ.

Но такъ-ли просты для рѣшенія, такъ-ли несложны въ исполненіи всѣ сельско-хозяйственные вопросы и всѣ прямо или косвенно связанные съ ними вопросы жизни? Вотъ на этотъ-то вопросъ весьма ярко и опредѣленно отвѣчаетъ намъ «справочная книжка русскаго сельскаго хозяина».

Разсматривая эту книгу и знакомясь съ ея содержаніемъ, мы видимъ во-очію, что ни одна изъ отраслей человѣческой дѣятельности не требуетъ отъ занимающагося ею челоѣка столько разнообразныхъ знаній, какъ сельское хозяйство, не заставляетъ его заходить въ такія сферы науки и жизни, которыя обыкновенно считались и считаются у насъ лежащими далеко за предѣлами сельско-хозяйственной дѣятельности.

Одинъ выборъ почвы для растенія обуславливаетъ собою уже необходимость въ рядѣ знаній изъ геологій, минералогій; затѣмъ посѣвы зерна и уходъ за нимъ требуетъ знаній жизни растеній, дѣйствія на нихъ солнца, облаковъ, вѣтровъ; содержаніе животныхъ для употребленія ихъ какъ рабочей силы или для поддержанія плодородія почвы, ставитъ сельскаго хозяина въ соприкосновеніе съ природою животныхъ, особенностями ихъ нравовъ; поля, луга, лѣса, наполненные тысячами разнообразныхъ жизней, вредящихъ или помогающихъ труду воздѣлывателя растеній—требуютъ и ихъ ближайшаго изслѣдованія; затѣмъ употребленіе различныхъ орудій воздѣлыванія земли, часть которыхъ сельскому хозяину приходится производить самому, часть чинить и приравливать къ дѣлу тоже самому, необходимость измѣнять положеніе водъ, направляя ихъ или дальше отъ поля, или на самое поле, укрѣплять берега рѣкъ, задерживать распространеніе песковъ, измѣнять составъ почвы, посредствомъ пользованія для этой

цѣли продуктами скотоводства, птицеводства, а также путемъ устройства въ имѣнія заводовъ крахмальныхъ, винокуренныхъ, сыроваренныхъ, маслодѣльныхъ, свеклосахарныхъ, заводовъ для обработки конопли, льна, — вводитъ сельскаго хозяина въ область механики, техники, химіи, физики, строительнаго искусства. А такъ какъ осуществленіе всѣхъ этихъ знаній вводитъ хозяина въ соприкосновеніе съ людьми разныхъ возрастовъ и половъ, которые, или въ качествѣ наемниковъ, или членовъ семьи, или товарищей, производятъ всѣ указанныя многочисленныя работы, то и являются здѣсь всѣ тѣ несчетныя по своему количеству и разнообразію людскія отношенія разборомъ которыхъ у насъ вѣдаютъ нѣсколько специальныхъ наукъ, начиная отъ психологій и кончая администраціей. Наконецъ, ни одинъ клочокъ земли и происходящая на немъ дѣятельность не стоятъ изолированно отъ всего, что живетъ и дѣйствуетъ не только въ сосѣдствѣ, но и за предѣлами морей; а выборъ того или другого растенія для посѣва, воспитаніе того или другого животнаго, заведеніе такого или иного завода, стоятъ въ зависимости отъ остальной жизни и дѣятельности въ цѣломъ сельско-хозяйственномъ околоткѣ, въ цѣломъ краѣ, государствѣ и другихъ странахъ свѣта. Другими словами, торговая и промышленная дѣятельность челоѣчества вліяетъ на каждое крупное и мелкое хозяйство на каждомъ клочкѣ земли.

БИРЖЕВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сегодня, 6 іюля. Курсъ на Лондонъ на 3 мѣс. $24\frac{5}{32}$ пенс. за рубль, на Парижъ 254 сант., на Гамбургъ 207 пфен. Полуимперіалы 8 р. 16 к., рубль серебр. 1 р. $35\frac{1}{2}$ к.; $5\frac{0}{10}$ бил. Госуд. Банка 1 вып. $93\frac{1}{2}$, 2 вып. $90\frac{1}{2}$, 3 вып. $90\frac{5}{8}$, 4 вып. $90\frac{3}{8}$, 5 вып. $90\frac{1}{4}$. Восточный заемъ $89\frac{1}{4}$, $5\frac{0}{10}$ Первый выигр. заемъ $212\frac{1}{2}$ Второй выигр. заемъ $210\frac{3}{4}$, $5\frac{0}{10}$ закл. лист. общ. взаимн. позем. кред. (металл.) $127\frac{1}{2}$, кред. $85\frac{1}{4}$, Облиг. Спб. гор. кред. общ. $87\frac{1}{4}$, Моск. гор. кред. общ. $86\frac{3}{4}$, $5\frac{1}{2}$ $\frac{0}{10}$ закл. лист. земск. банка Херс. губ. $94\frac{5}{8}$, $5\frac{0}{10}$ закл. лист. Тульск. зем. банка 95, $6\frac{0}{10}$ закл. лист. Харьк. зем. банка $94\frac{5}{8}$, Моск. зем. банка $99\frac{1}{2}$, Тифлисс. зем. банка 88, Сар.-Симб. зем. банка $87\frac{3}{4}$. Акции Спб. Частн. ком. банка 250, акц. Волжск.-Камск. ком. банка 412, акц. Сиб. торг. банка 340, акц. Центр. банка русск. позем. кред. $59\frac{1}{2}$, акц. Сар.-Симб. зем. банка 68, акц. парох. общ. «Кавк. и Мерк.» 466, акц. общ. «Самолетъ» 183, акц. Русск. общ. парох. и торг. 722, акц. Главн. общ. Рос. ж. д. $249\frac{3}{4}$, безъ дивид., акц. Юго-Зап. ж. д. $95\frac{1}{2}$, акц. Гряз.-Цариц. ж. д. $82\frac{1}{4}$, безъ дивид. акц. Рыб.-Бол. ж. д. 68. Настроеніе биржи съ курсомъ крѣпкое вслѣдствіе требованія хлѣба за границу и съ бумагами крѣпче хотя требованіе ограниченное. Дисконты отъ $5\frac{3}{4}$ до $7\frac{1}{4}$ $\frac{0}{10}$, въ Лондонѣ $3\frac{0}{10}$, въ Парижѣ $3\frac{1}{2}$ $\frac{0}{10}$, въ Гамбургѣ $4\frac{0}{10}$.

— НОВЫЯ КНИГИ —

ОЧЕРКИ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ МОНГОЛІИ

ПУТЕШЕСТВІЕ 1876—1877 гг.

Г. Н. ПОТАНИНА.

С.-Петербургъ, 1881 г.

Цѣна 3 р.

Требованія адресуются въ Императорское Географическое Общество.

СИБИРЬ КАКЪ КОЛОНИЯ.

КЪ ЮБИЛЕЮ ТРЕХСОТЛѢТІЯ.

Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее.

Н. М. ЯДРИНЦЕВА.

С.-Петербургъ, 1882 г. Цѣна 3 р.

Въ книжномъ складѣ Стасюлевича, Вас. Остр. 2 лин., д. 7; также въ конторѣ Редакціи «Восточное обозрѣніе».

Окончившій курсъ С.-Петербургск. Унив. по Естеств. наукамъ (спеціально по химіи) предлагаетъ свои услуги въ Западной Сибири. Адресъ: въ редакцію «Восточнаго Обозрѣнія» Евгенію Александровичу Преображенскому.